

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВА, ТИМУР МУЗАЕВ

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В ПОИСКАХ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

Прогресс
Москва
1994

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВА, ТИМУР МУЗАЕВ

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В ПОИСКАХ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

Прогресс
Москва
1994

Северный Кавказ является одним из наиболее взрывоопасных регионов Российской Федерации. Достаточно сказать, что помимо проблем, связанных с дезинтеграцией «имперского» Союза и ослаблением центральной власти в России, Кавказ имеет специфические черты, увеличивающие опасность balkанизации региона. Полиэтничность, поликонфессиональность, перенаселенность, проблемы репрессированных народов в условиях искусственно установленных и неоднократно изменяемых границ способны обернуться перманентными военными конфликтами, как это уже случилось в Северной Осетии.

Процессы, идущие на Северном Кавказе, во многом сходны с общей ситуацией в России: местный сепаратизм и образование региональной экономической Ассоциации областей, краев и республик¹ (прообраз будущего субъекта Федерации?); существенное ослабление влияния федерального центра и в то же время использование российской армии и дотаций местными официальными элитами для стабилизации собственного положения. На Кавказе так же как в других регионах обострение конфликтов зачастую связано с процессами раздела зон экономического влияния и общественного в недавнем прошлом господства и земли (и в этой борьбе используются движения и партии, вне зависимости от их политической или национальной ориентации).

Развитие ситуации на Северном Кавказе продемонстрировало и другую общую черту постсоветского пространства: потерю Москвой функций абсолютного Центра, формирование новых центров влияния. Начало этому процессу было положено развитием карабахского кризиса, однако апелляция к Москве как центру идеологии и силы продолжала сохраняться (и прежде всего для автономных этносов) до Беловежского соглашения в декабре 1991 года. Сегодня можно констатировать значительное снижение рейтинга Москвы для всех российских провинций. Подобное положение сложилось, прежде всего, в силу неопределенности принципов российской региональной и национальной политики, отсутствия четкого и обоснованного разграничения полномочий между субъектами федерации. К числу наиболее значимых причин снижения рейтинг-

¹ В Северокавказскую ассоциацию, созданную летом 1991 года, входят Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Ингушетия, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область. Однако деятельность Ассоциации в настоящее время носит бессистемный характер и активизируется только как реакция на действия федерального центра.

га Москвы в Северокавказском регионе следует отнести и колебания российской внешней политики в отношении закавказских конфликтов.

Рост межэтнической и социальной напряженности на перенаселенном российском Юге определяется мощными миграционными потоками, вызванными этническими чистками в результате открытых закавказских конфликтов; налаженными «теневыми» потоками оружия; формированием военизированных группировок на Северном Кавказе.

Непосредственно влияют на сепаратистские тенденции российского Юга межнациональные кризисы в Грузии (ситуация в Азербайджане в меньшей степени²). Именно грузинские конфликты (абхазо-грузинский и осетино-грузинский) инициировали объединение национальных движений Северного Кавказа в Ассамблею горских народов Кавказа (позже преобразованную в Конфедерацию народов Кавказа), выступившую с идеей воссоздания Горской республики³. Именно выжидательная позиция России и невнятные заявления официальных северокавказских лидеров во время вторжения в Абхазию грузинских вооруженных формирований (Национальной гвардии, «Мхедриони») способствовали радикализации национальных движений на Кавказе, созданию прообразов национальных гвардий горских народов: до августа 1992 года «миротворческие батальоны» КНК существовали лишь как намерение, за исключением Чечни, где после «революции» осенью 1991 года была создана Национальная гвардия.

Однако влияние процессов в Грузии и на Кавказе на российскую внутриполитическую ситуацию более значительно, чем это кажется на первый взгляд. Именно с провозглашения Абхазией статуса «союзной республики» 25 августа 1990 года начался «парад суверенитетов» автономных образований СССР⁴. Ассамблея горских народов Кавказа выступила в сентябре 1990 года с инициативой Ассоциации движений автономных образований СССР, создавшей неформальную национальную базу горбачевской идее «обновленного Союза». И хотя сегодня Ассоциация не проводит каких-либо политических акций, она активизировала создание региональных Ассамблей национальных движений, поддерживавших современную регионализацию России и оформление экономических региональных Ассоциаций местных советов и исполнительных органов власти.

² Данное утверждение справедливо до начала весьма вероятного конфликта в азербайджанском Лезгистане. В настоящее время напряженность в этом регионе связана с попытками официального Баку расселить в Лезгистане азербайджанских беженцев из Карабаха и Армении, а также с решениями России и Азербайджана закрыть границу по реке Самур, разделяющей дагестанских и азербайджанских лезгинов.

³ Провозглашена 11 мая 1918 года в Тбилиси под протекторатом Турции группой видных горских деятелей. Была признана меньшевистской Грузией, Азербайджаном, Турцией и Германией. Властные структуры Горской республики реально существовали на территории Дагестана с сентября 1918 г. по май 1919 г. В мае 1919 г. Дагестан был оккупирован Добровольческой армией Деникина и правительство эмигрировало в Тбилиси. Зеленое знамя с семью звездами (Абхазия, Адыгея, Кабарда, Черкесия, Чечено-Ингушетия, Осетия, Дагестан), которое поднимается во время заседаний АГНК, это знамя Горской республики.

⁴ Первой республикой, принявшей Декларацию о суверенитете, была Карелия (июль 1990), однако она не изменила своего статуса автономии.

Несомненно, поддержка российским руководством идеи создания грузинского унитарного государства, нашедшая свое косвенное подтверждение в подписанных соглашениях по Южной Осетии и Абхазии в 1992 году, может иметь негативные последствия для реализации Федеративного договора РФ. В условиях отсутствия основополагающих принципов нового российского федерализма и вечных колебаний российского руководства между идеей «единой и неделимой» и принципом «берите столько суверенитета, сколько сможете», поддержка грузинского унитаризма может стать импульсом к дальнейшему обособлению регионов от Москвы.

Ослабление российского влияния на Кавказе создает предпосылки для изменения регионального баланса сил. Уже сегодня идет приценка к столь неоднозначному региону со стороны мусульманских стран. И хотя в настоящий момент, несмотря на ожидания советских мусульман, страны мусульманского пояса не проводят активной политики в регионе (вряд ли можно воспринимать всерьез слабую активность зарубежных предпринимателей или участие добровольцев из Турции в абхазо-грузинском конфликте), однако строительство мечетей и программы в области образования могут стать факторами политического влияния без серьезных инвестиций в экономику.

Внутренние противоречия в России, непоследовательная политика российского руководства привели к значительному снижению рейтинга Москвы на Кавказе и поиску новых «центров влияния», прежде всего со стороны новых политических элит региона. В настоящий момент речь может идти о формировании целого ряда центров регионального влияния на Кавказе (причем апелляция к тому или иному «центру» определяется конкретной проблемой этноса): Москва, Грозный, Анкара...

На первом этапе (конец 1991, первая половина 1992 года) новым «центром влияния» для лидеров национальных горских движений стала Турция. Подобная тенденция сформировалась прежде всего под влиянием экономических (популяризация российскими mass-media «турецкой модели» своеобразного «восточного» аналога лозунга о «светлом капиталистическом будущем»), исторических (активная роль Турции в регионе на протяжении столетий, многочисленная кавказская диаспора в Турции после русско-кавказской войны) и политических мифов национальных лидеров Северного Кавказа. Во второй половине 1992 года происходит дифференциация в выборе «внешних центров влияния», прежде всего за счет разочарования лидеров «абхазо-адыгского блока» в Турции (с начала абхазо-грузинского конфликта в августе 1992 года официальная Анкара оказывает гуманитарную помощь Грузии⁵); активизации Гер-

⁵ Последнее обстоятельство может снизить шансы Турции как центра регионального влияния и в Средней Азии: большинство посткоммунистических элит Средней Азии без энтузиазма (особенно на фоне «таджикской революции») относятся к военному перевороту в Тбилиси зимой 1992 года. Для официальной Анкары активность в налаживании связей с Тбилиси связана не только с активностью Ирана в Закавказье, но и необходимостью сухопутных связей с Азербайджаном, однако многие политики Тбилиси (и большинство населения Грузии) с опасением относятся к активизации грузино-турецких связей.

мании, Англии, Франции в Закавказье, роста популярности неотюркизма, общей нестабильности в регионе. (В настоящий момент выбор политическими элитами «центра влияния» носит ситуативный и зачастую взаимоисключающий характер: так, например, для представителей балкарского национального движения, постоянно подчеркивающих приверженность идее единства и неделимости России, безусловным общерегиональным лидером на Северном Кавказе является президент Чечни Джохар Дудаев.)

Однако снижение рейтинга Москвы для российских провинций не свидетельствует о нарастании центробежных тенденций в РФ и росте популярности идеи Союза кавказских государств (Горской республики) вне России: идеи федерализма и регионализма популярны на Северном Кавказе, а национальные движения, последовательно выдвигавшие различные идеологии — национализм, горский (казачий) интегрзм и пережившие их кризис, — апробируют новые формы регионального единства.

НАЦИОНАЛИЗМ И СЕПАРАТИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Распад Советской империи и крах коммунистической идеи жестко поставили вопрос о поиске идеологии развития на всем постсоветском пространстве. В период возникновения национальной государственности такой идеологией, очевидно, мог стать только национализм. Однако иерархия народов, существовавшая в бывшем Союзе ССР, наложила определенный отпечаток на процесс обретения этими народами национальной идеологии.

Первый этап формирования новых политических элит и выдвижение ими национализма в качестве идеологии развития «суверенных» союзных республик относится к 1987 — 1988 гг. Аналогичный процесс в автономиях России начался с запозданием на полтора-два года (1989 — 1990), что было обусловлено рядом причин: значительной ассимиляцией «малых народов» в России, наличием многочисленных групп славянского и «русскоязычного» населения в автономных республиках, большим давлением местной номенклатуры и меньшей политической активностью основной массы жителей, дисперсностью населения наиболее крупных народов российских автономий (например, за пределами Татарстана проживает 75% татар).

Поэтому первые «неформальные» группы в автономиях РФ организовывались не по национальному, а по политическому признаку: Народный фронт и историко-просветительский клуб «Кавказ» в Чечено-Ингушетии, дискуссионно-политический клуб «Перестройка» в Дагестане, клубы избирателей в Карачаево-Черкесии, депутатская группа «Радикальная реформа» в Кабардино-Балкарии и т.д. Возникшие вскоре вслед за ними национальные организации (чеченский комитет «Барт», кабардинское общество «Адыге Хасэ», ингушский союз «Нийсхо», балкарское общество «Тере», карачаевская организация «Джамагат», аварское, кумыкское и лезгинское движения в Дагестане и др.) на первых порах наряду с национальными требованиями выдвигали общедемократические задачи и тесно сотрудничали с другими «неформалами». В это время (1988 — 1990 гг.) нарождающийся национализм народов Северного Кавказа выступал в форме «национальной демократии».

Формированию союза национально-демократических групп и «чистых демократов» немало способствовал лозунг уравнивания в правах всех национально-территориальных субъектов СССР, выдвинутый лидерами Межрегиональной депутатской группы и «Демократической России». Благодаря этому лозунгу на выборах 1990 года все «неформалы» (как национальные, так и интернациональные) фактически составляли единый блок в автономиях России, и

новое руководство РФ во главе с Ельциным получило поддержку со стороны национальных движений российских автономий.

Однако преобразования постсоветского пространства привели к размежеванию различных политических сил, и прежде всего по отношению к новому федеральному центру: если для демократических движений в автономиях была характерна поддержка нового руководства России, то позиция национальных обществ и партий колебалась в зависимости от политической ситуации (и прежде всего в зависимости от колебаний российских демократов между принципом «берите столько суверенитета, сколько вынесете» и идеей «неделимости и единства России») и конъюнктуры. С течением времени общедемократическая часть программ национал-демократов стала отходить на второй план, в некоторых случаях превращаясь в пустую декларацию (пример: Вайнахская демократическая партия в Чечне), зато все большее значение приобретали национальные проблемы, вопросы утверждения национальной государственности (суверенитета).

Процесс размежевания национал-радикалов и «чистых демократов» (в других случаях — национал-прогрессистов пророссийской ориентации) на Северном Кавказе начался в 1991 году. Первым сигналом стал чрезвычайный съезд Социал-демократической партии Дагестана (февраль 1991 г.), в ходе которого обострились противоречия между фракцией «Свободный Дагестан», выступавшей за республиканский суверенитет, и сторонниками «чистой» демократии во главе с председателем партии Эдуардом Уразаевым, которые считали основной задачей поддержку «демократического» руководства России и Ельцина. В результате председателем СДПД был избран лидер фракции «Свободный Дагестан» Аркадий Ганиев, а Уразаев и его сторонники вышли из партии и создали отдельную группу, которая стала основой местного отделения «ДемРоссии». В начале того же, 1991 года ингушское национальное движение разделилось на прогрузинских радикалов (партия «Нийсхо») и пророссийских эволюционистов (Оргкомитет по восстановлению государственности Ингушетии, позже — Народный Совет Ингушетии). В мае-июне произошел раскол в исполкоме Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) на радикалов во главе с Джохаром Дудаевым и умеренных национал-прогрессистов, лидером которых стал Лечи Умхаев. Такие же процессы в первой половине 1991 года начались практически во всех северокавказских республиках.

Августовский путч 1991 года на короткое время объединил национал-радикалов и демократов: в Нальчике было создано объединенное движение «Демократическая Кабардино-Балкария», в которое вошли представители кабардинской «Адыге Хасэ», балкарского «Тере», Демпартии КБР и депутатских групп «Радикальная реформа» и «Коммунисты за демократию»; в Дагестане возник Координационный комитет защиты демократии и закона, объединивший демократические и национальные партии и движения республики; в Чечено-Ингушетии единым блоком выступили национал-радикалы (исполком ОКЧН, ВДП) и прогрессисты (республиканское Движение демократических реформ, Ассоциация интеллигенции ЧИР и пр.); в Карачаево-Черкесии сформировался Координационный Совет демократических сил. Общей платформой нового союза националистов и демократов являлось недовольство старым

поименным руководством и желании изменить политический режим республик. В августе-сентябре в Грозном, Махачкале и Нальчике начались многочисленные митинги активистов объединенной оппозиции с требованием отставки республиканских ВС и проведения новых выборов. Выступления в Грозном закончились свержением ВС Чечено-Ингушетии и переходом власти к ОКЧН во главе с Дудаевым, который объявил о расколе ЧИР и выходе Чечни из состава Российской Федерации (решающую роль в этом процессе сыграла непоследовательная позиция официальной Москвы в отношении т.н. «чеченской революции»). В Кабардино-Балкарии оппозиция добилась отставки республиканского руководства во главе с председателем ВС Валерием Коковым, однако после того, как митинговые страсти схлынули, партиоменклатуре, которая продолжала удерживать в своих руках рычаги власти, удалось взять реванш: в январе 1992 года президентом КБР был избран тот же Коков. Митинги в Махачкале в течение осени 1991 года перекинулись в районы Дагестана, но вскоре антиправительственные выступления отступили перед лавиной межнациональных проблем (обострились чечено-аварские, чечено-лакские, аварско-кумыкские отношения и лезгинская проблема).

Конец 1991 года ознаменовался новой радикализацией национальных движений Северного Кавказа, связанной в первую очередь с победой «чеченской революции», а также с непоследовательной и непродуманной реакцией на события в Грозном российского руководства. Попытка введения ЧП в Чечено-Ингушетии в ноябре 1991 года вызвала всплеск антироссийских сепаратистских настроений не только среди чеченцев, но и среди других горских народов. В северокавказских республиках началось формирование общенациональных представительных органов (по типу исполкома ОКЧН, захватившего власть в Чечне). В октябре — декабре на чрезвычайных съездах были созданы Конгресс кабардинского народа (ККН), Национальный совет балкарского народа (НСБН), Общенациональный совет народов Карачая (ОСНК), Конгресс абазинского и черкесского народов (КАЧН), исполком депутатов Ингушетии всех уровней (ИКДИ), Народный Совет Ингушетии (НСИ) и др. Они в той или иной мере претендовали на исключительное представительство «воли и интересов нации».

Вместе с тем радикализация национальных движений привела к нарастанию межнациональных противоречий, особенно в двухсубъектных республиках (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии) и в многонациональном Дагестане. Провозглашение «национальных республик» (Балкария, Кабарда, Карачай, Черкесия, Казачья ССР) углубило взаимное недоверие между национальными движениями и породило острые территориальные споры по поводу границ несуществующих «республик». Лишь к весне (а в Дагестане — к лету) 1992 года ситуация на Северном Кавказе несколько стабилизировалась.

Следующий этап развития национального движения горских народов (в первую очередь — адыгов) связан с обострением грузино-абхазского конфликта в августе 1992 года. Ввод грузинских войск в Абхазию был воспринят на Северном Кавказе как «имперская агрессия» с целью ликвидации абхазской автономии, что в дальнейшем неизбежно привело бы к ассимиляции абхазов. Адыгские национальные движения немедленно начали кампанию по оказанию по-

мощи Абхазии; в Нальчике, Майкопе и Черкесске собрались многочисленные митинги протеста; в зону конфликта отправились добровольцы из Кабарды, Черкесии, Чечни, Адыгеи и др. республик.

Невмешательство российского руководства в конфликт между Грузией и Абхазией расценивалось горцами как предательство интересов «малого» народа в угоду «большой политике». Особое возмущение вызвали попытки федеральных властей при помощи правоохранительных органов Кабардино-Балкарии и Северной Осетии помешать отправке добровольческих отрядов КНК в Абхазию. Новая волна радикализации национального движения привела к острому политическому кризису в КБР, власти которой полностью следовали в фарватере российской политики «невмешательства». Поводом для начала массовых антиправительственных выступлений в Нальчике стал арест президента Конфедерации Юрия (Мусы) Шанибова в сентябре 1992 года. Многолюдный митинг на центральной площади Нальчика, организованный исполкомом Конгресса кабардинского народа и президиумом «Адыге Хасэ», вылился 27 сентября в столкновение между демонстрантами и местным ОМОНОм, в результате которого была убита 32-летняя женщина и несколько человек ранено. Однако в начале октября республиканскому правительству и национальной оппозиции удалось несколько сгладить остроту конфликта и развитие событий в Кабардино-Балкарии не пошло по сценарию «чеченской революции».

После сентябрьских событий в Нальчике национальные движения в северокавказских республиках вступили в период спада, который продолжается по сей день. Кризис национализма в первую очередь связан с отсутствием новых идей, с общей тенденцией к снижению политической активности на всем постсоветском пространстве. Немалую роль в углублении кризиса национализма на Северном Кавказе сыграло обострение ситуации в Чечне, которую с апреля 1993 года раздирают политические и межклановые противоречия; пересмотр и активизация российской политики в регионе.

Основной причиной радикализации национализма «малых» народов являлись имперские амбиции и давление со стороны «союзных» этносов. Как только власти РФ «повышали голос» на Северном Кавказе (попытка введения ЧП в Чечено-Ингушетии в ноябре 1991 г., арест Шанибова в сентябре 1992 г., вмешательство российских войск в ингушко-осетинский конфликт в ноябре 1992 г.), в бывших автономиях сразу же начинался рост антироссийских настроений и поднимал голову местный сепаратизм.

Движение интегризма на Северном Кавказе является многоуровневым. Первый уровень — межгосударственный: идея «Кавказского общего дома» была выдвинута в 1989 году Движением зеленых Грузии и Ассамблеей горских народов Кавказа независимо друг от друга. Ассамблея, возникшая как реакция на радикальный грузинский национализм, рассматривала «Кавказский дом» как способ решения межнациональных и региональных задач на Северном Кавказе (последний аспект практически не проработан новой политической элитой Кавказа). Грузинские «зеленые» первоначально рассматривали «Кавказский общий дом» как механизм создания единой экосистемы в регионе. Гамсахурдиа в 1990 году, перехватив лозунг, придал ему политический оттенок — отделение от Москвы для решения региональных проблем (роль нового интегрирующего центра в таком «Доме» отводилась Грузии.)

В настоящее время идея «Кавказского дома» («Союза кавказских государств»⁶ Джохара Дудаева или Конфедерации северокавказских республик) не столь популярна, чтобы стать серьезной угрозой для российского влияния в этом регионе. Не говоря уж о всем Кавказе, раздираемом национально-территориальными противоречиями и военными конфликтами: осетино-ингушский конфликт продемонстрировал эфемерность объединения северокавказских республик в единое государство. Это, впрочем, не снижает значимости данной инициативы — в силу предстоящих выборов на Кавказе, изменчивости политической обстановки в Закавказье и значительного ослабления российского федерального центра из-за постоянного противостояния властей. Кроме того, образование Северокавказской ассоциации республик, областей и краев, объявившей о создании системы региональной безопасности во время грузино-абхазского конфликта, по существу, является слабой реализацией той же идеи северокавказской конфедерации.

Следующий уровень кавказского интегризма — **Северокавказская ассоциация местных советов и исполнительных органов власти** создана летом 1991

⁶ Предложение такого Союза было сделано президентом Чечни Дудаевым на совещании «Кавказский дом» (по-видимому, с «подачи» Гамсахурдиа), проведенным в пику российскому совещанию по проблемам региона 4 — 5 сентября 1992 в Грозном. «Чеченское совещание» не было представлено официальными лидерами Северного Кавказа, Азербайджана и Грузии. Более того, идея «Кавказского дома» с центром в Грозном имеет пропагандистское значение в настоящее время.

года. Однако, в отличие от подобных объединений⁷ в России, Ассоциация является чисто политическим образованием и практически не проводит работы по формированию общерегиональных экономических, экологических, энергетических программ. Местные официальные лидеры рассматривают Ассоциацию как способ согласованного давления на федеральный центр. Складывается впечатление, что активизация деятельности Ассоциации (и созданного зимой 1993 года Координационного Совета) происходит только как реакция на действия федерального центра. Исключением стала осень 1992 года. В условиях провозглашения российским руководством принципа невмешательства во внутренние дела Грузии, формирования горских и казачьих батальонов для помощи абхазам, официальная элита Северного Кавказа попыталась взять инициативу по урегулированию конфликта в свои руки, заявив о создании системы региональной безопасности. И хотя это намерение так и осталось декларацией, оно в значительной мере повлияло на активизацию федеральной политики.

По-видимому, активизация деятельности Ассоциации будет возможна с обновлением официальных политических элит региона и России в результате выборов.

Другой уровень интегризма связан с политическими альянсами новых национальных элит региона. Фактически движение регионального интегризма началось с создания в августе 1989 года Ассамблеи горских народов Кавказа (движение «горского интегризма»). Движение интегризма на Кавказе имеет свою предысторию — общекавказские объединения шаха Мансура (XVIII век); Шамиля (XIX век); Горская республика (XX век). Однако на этапе формирования Ассамблеи значимость «исторического фактора» объединения была невелика. Интегризм «малых народов» — в том числе и создание Ассоциации автономных образований СССР в сентябре 1990 года — стал реакцией на «имперские» амбиции «союзных этносов», способом решения проблемы уравнивания в правах всех субъектов Союза.

В настоящий момент можно выделить следующие попытки интегризма на Северном Кавказе (деление условно, поскольку ряд национальных организаций участвует в различных — и даже противостоящих — политических альянсах, тем не менее можно говорить о стабильности структуры этих объединений в регионе):

- Конфедерация народов Кавказа;
- Союз казаков Юга России;
- Северокавказский демократический конгресс;
- Ассоциация народов Кавказа;
- Ассоциация репрессированных народов;
- Ассоциация тюркоязычных народов.

Самыми многочисленными, хотя и переживающими определенный органи-

⁷ Начиная с 1990 года предпринимаются попытки оформления региональных Ассоциаций административных единиц в России. В настоящий момент на территории РФ мы можем выделить следующие региональные альянсы: Дальневосточная ассоциация, «Сибирское соглашение», «Большой Урал», «Большая Волга», «Золотое кольцо», Северокавказская ассоциация, Ассоциация «Северо-Запад» и др.

зационный кризис, на Северном Кавказе являются Союз казаков Юга России и Конфедерация народов Кавказа. Необходимо отметить, что при всей несхожести целей и идеалов этих движений они имеют довольно много общего: внутренняя аморфность и в то же время внешняя жесткая иерархия; военизированные формирования; схожесть мифологии и т.п. Однако главное сходство — использование традиционализма, обеспечивающее массовую поддержку движений в регионе. Более того, традиционализм (т.е. использование традиционных методов при урегулировании конфликтных ситуаций, во взаимоотношениях народов на Кавказе; апелляция к общей истории, использование традиций в формировании организационных структур) выступает как своеобразный аналог национализма на региональном уровне, и обладает основными чертами национализма: упор на общую память, надежда на будущее, особая роль полиэтничного Кавказа как «моста между двумя цивилизациями». Использование традиционализма отчасти и вызвало кризис обеих организаций: не проработаны перспективы развития, необходим внешний фактор содействия или противодействия для консолидации структуры.

КНК: от Ассамблеи движений до Конфедерации народов. Политическая ситуация Юга России на сегодняшний день во многом определяется эволюцией идеи формирования «общего дома» северокавказских народов. Непосредственным поводом к оформлению движения «горского интегризма» в Ассамблею горских народов Кавказа (АГНК) стал абхазо-грузинский конфликт в июле 1989 года: 26 августа в Сухуми прошел учредительный съезд АГНК, на котором представители шести национальных движений Кавказа — шапсуги, адыги, черкесы, кабардинцы, ингуши, чеченцы — решили поддержать абхазское движение в борьбе с «грузинским империализмом». Основным мотивом объединения стало решение проблем «малых» кавказских народов:

- межнациональных (урегулирование пограничных споров на Кавказе посредством диалога лидеров противоборствующих сторон);
- исторических (воссоздание Горской республики);
- политических (решение проблем репрессированных народов, укрепление авторитета национальных движений на региональном и союзном уровнях, борьба за повышение статуса «автономных народов»);
- экономических (например, после стихийных бедствий в районе Туапсе летом 1991 года, на восстановление разрушенных мостов и дорог в «Шапсугии» именно национальные движения КНК выделили основные средства);
- культурной интеграции народов Северного Кавказа.

К середине 1991 года АГНК объединяла 16 национальных движений Кавказа: абхазы, адыгейцы, шапсуги, абазинцы, черкесы, кабардинцы, карачаевцы⁸,

⁸ Основные национальные движения карачаевцев (Общенациональный Совет Карачая, «Джамагат», Демократическое движение «Джамагат») и балкарцев не входят в КНК. Отчуждение было вызвано несколькими причинами. После путча и в Кабардино-Балкарии, и в Карачаево-Черкессии официальной элите удалось «расколоть» оппозицию по национальному признаку. В национальном противостоянии сыграли роль и объективные факторы: искусственное формирование республик (не по принципу этнической близости), изменение административных границ и национального

осетины Севера и Юга, чеченцы, ингуши, чеченцы-аккинцы, аварцы, лакцы, турки-месхетинцы и лезгины. Данный состав сохраняется и поныне — изменилась лишь значимость тех или иных лидеров и организаций в своих национальных республиках: например, значение организаций «адыгского блока» (прежде всего, кабардинских), осетинской (особенно южноосетинской) делегации возросло, в то же время значимость аварской делегации КНК в Дагестане значительно упала, а членство ингушской делегации в КНК стало номинальным после того, как на третьем съезде (1991) организации был поднят вопрос об отказе от немедленного пересмотра границ между членами Конфедерации. Основной формой деятельности АГНК была народная дипломатия.

На первом этапе лидеры всех национальных движений, входивших в АГНК, активно поддерживали российских демократов, вслед за Андреем Сахаровым выступивших в поддержку идеи уравнивания в правах всех народов СССР. Однако колебания демократической России в вопросах будущего федеративного устройства России, а также ряд действий российского руководства на Кавказе⁹ способствовали обособлению АГНК и провозглашению курса на постепенное создание Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК). Другим немаловажным фактором образования КГНК на III съезде Ассамблеи (1 — 2 ноября 1991) стала «чеченская революция», способствовавшая радикализации национальных движений других северокавказских республик (прежде всего Дагестана и Кабарды). Сыграла свою роль и реакция на события в Чечне со стороны Москвы, которой не удалось взять под свой контроль формирование новых органов власти после свержения председателя ВС Чечено-Ингушетии Доку Завгаева¹⁰.

Второй этап развития «горского интегризма» характеризуется созданием псевдогосударственных структур КГНК: «парламент» КГНК включает по 3 представителя от национального съезда каждого народа Кавказа (вне зависимости от численности народа), председателем парламента был избран председатель комитета по международным связям парламента Чечни Юсуп Сослаббеков, президентом КГНК стал преподаватель университета из Нальчика

представительства в регионе (прежде всего за счет миграции славянских народов). К числу идеологических факторов раскола следует отнести миф о «Великой Черкессии» (Шапсугия, Адыгея, Черкессия и Кабарда) и его пропаганду рядом политических адыгских лидеров, что способствовало противопоставлению тюркоязычных народов (карачаевцев и балкарцев) и адыгов.

⁹ Прежде всего встреча Ельцина и Гамсахурдия в Казбеги весной 1991 года и подписанный протокол, в котором Россия фактически признала упразднение автономной области; противоречивые обещания Ельцина северным осетинам и ингушам в отношении Пригородного района во время того же визита; позиция российского руководства во время «чеченской революции», абхазо-грузинского кризиса и др.

¹⁰ Об этом свидетельствует характер противостояния официальной Москвы и Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН): после свержения Завгаева «первый чеченец» Руслан Хасбулатов приехал в республику для создания коалиционного Временного Высшего Совета, в котором ОКЧН получил далеко не первые роли, до проведения новых демократических выборов. Однако ОКЧН — направляющая сила «чеченской революции», не смирился с ролью «статиста», что предопределило «революционное» развитие ситуации.

Юрий (Муса) Шанибов. Переход от Ассамблеи движений к представительству народов в Конфедерации был осуществлен по «чеченскому варианту» (где еще до путча в ноябре 1990 года был созван Национальный съезд чеченского народа, в июле следующего года съезд был переименован в ОКЧН). Тем не менее реально общенациональные съезды в КГНК представляли только вайнахские, адыго-абхазские, лакские, лезгинские и южноосетинские лидеры. На этом этапе, несмотря на провозглашение принципа равноправности Конфедерацией идеи Горской республики, для большинства лидеров северокавказских народов сохранилась ориентация на Россию, с оговоркой «на Россию, где возьмут верх демократические силы»¹¹.

Более того, активные заявления российского руководства по ситуации в Южной Осетии в июне 1992 года привели к расколу в КГНК: произошло размежевание умеренного (пророссийского) и радикального («чеченского») направлений (напрямую «чеченское» направление поддерживала лишь небольшая карачаевская партия, входящая в КГНК). Значительную роль в этом процессе сыграло сближение Джохара Дудаева и экс-президента Грузии: для большинства представителей кавказских народов с именем Гамсахурдия связана депортация соотечественников из Грузии, жесткая дискриминационная политика в отношении национальных меньшинств. В начале лета 1992 года пророссийское направление в КГНК представляло большинство лидеров национальных движений Кавказа. «Чеченское» направление КГНК, фактически контролирующее «миротворческие батальоны» Конфедерации, отказалось направлять добровольцев в Южную Осетию, а Дудаев весьма резко выразился о «деструктивных» действиях председателя ВС Абхазии Владислава Ардзубы, пытавшегося наладить связи с российским руководством.

Разногласия Дудаева и КГНК, сближение чеченского руководства и Гамсахурдия способствовали и нарастанию конфронтации в стане недавних соратников Дудаева, перед которым возникла перспектива оказаться в полной изоляции. Однако позиция российского президента на переговорах с Шеварднадзе по Южной Осетии (фактическая поддержка грузинского унитаризма), выжидание, а затем и провозглашение принципа невмешательства РФ во время абхазского кризиса, как и репрессивные меры в отношении руководства КГНК¹² помешали этому процессу и способствовали консоли-

¹¹ Заметим, что под «демократической Россией» на Кавказе понимается обновление Российской Федерации, формирование договорных отношений бывших автономий с Россией (по примеру Татарстана), причем национальные и официальные лидеры автономий выступали против уравнивания прав национальных автономий и административных областей в федерации, что само по себе конфликтно и сходно с ситуацией многоуровневой иерархии в СССР. Однако с 1993 года наблюдается определенный прогресс в данном вопросе: согласно опросу НеГРИОМ, на совещании представителей 66 движений и партий Северного Кавказа в феврале 1993 года за уравнивание статусов республик и областей высказалось 55% представителей национальных движений (против 35%).

¹² Выжидательная позиция Москвы во время абхазо-грузинского конфликта способствовала радикализации национальных движений Северного Кавказа: 18 августа 1992 года на сессии парламента КГНК было принято решение о том, что, если в течение 3

дации лидеров национальных движений адыгского блока на «чеченской» платформе отношений с Россией, росту популярности идеи денонсации Федеративного договора среди лидеров национальных движений КГНК и провозглашению курса на реализацию идеи Союза северокавказских республик. Тем не менее мотивация принятых решений КГНК была различна для всех входивших в Конфедерацию национальных лидеров: для лидеров «абхазо-адыгского блока» столь резкие декларации являлись попыткой привлечь внимание российского руководства к абхазо-грузинской войне; чеченские же лидеры рассматривали заключительные документы как региональную (пусть пока на уровне неофициальных политических элит) поддержку сепаратистских устремлений.

Подобная неоднозначная трактовка решений КГНК обусловлена множеством противоречий входящих в Конфедерацию народов. Помимо вектора напряженности «пророссийская — чеченская» ориентация, неоднородность структуры КГНК связана с поликонфессиональностью (христианская и исламская культуры народов); неафишируемой борьбой за лидерство блоков родственных народов (например, между адыгами и вайнахами); созданием альтернативных организаций этнически близких народов¹³; пограничными проблемами (практически ни одна граница на Северном Кавказе не имеет однозначного исторического обоснования), личными амбициями кавказских лидеров, кризисом национализма как консолидирующей обществу идеи (прежде всего за счет «внутриэтнической» борьбы различных политических партий и движений). По существу, на всем протяжении своего существования Конфедерация народов Кавказа (новое название принято на чрезвычайном съезде в Грозном 3 — 4 октября 1992 года) используется участниками для достижения собственных целей: например, Осетией для поддержки в конфликте с Грузией и сдерживания ингушских территориальных претензий; Ингушетией наоборот, для скорейшей территориальной реабилитации; Чечней как способ давления на Россию и путь усиления чеченского влияния в соседних республиках и в регионе в целом¹⁴ и т.д. Такой неоднородный характер «программных» установок и противоречивость интересов национальных движений народов КНК обеспечивает гибкость основных принципов Конфедерации и необходимость внешнего фактора про-

дней грузинские войска не покинут Абхазию, Конфедерация объявит Грузии войну. Уголовное дело в отношении Шанибова было возбуждено прокуратурой РФ из-за приказа КГНК, в тексте которого все грузины, проживающие на территории Северного Кавказа, объявлялись заложниками. Однако, по словам Шанибова (Независимая газета, 03.09.92), «средства массовой информации распространили неточный вариант приказа».

¹³ Например, Всемирная черкесская ассоциация, включающая в себя черкесов, кабардинцев, адыгов, шапсугов и родственных им абхазов и абазин, выступает за создание конфедерации адыго-абхазских государств. Летом 1992 года идея обсуждалась и на государственном уровне, были подписаны двусторонние договоры между адыгскими государствами.

¹⁴ Заигрывания Дудаева с КГНК в 1991 году были связаны с возможностью «воссоздания» Горской республики, имеющей выходы к Черному (через Абхазию) и Каспийскому (через Дагестан) морям.

тиводействия или содействия для внутренней консолидации и стабильности структуры.

Посткоммунистическая Россия, не определившая принципы национальной политики («У каждого высшего лица — своя национальная политика,» — уходя, сказал председатель Госкомнаца России Валерий Тишков¹⁵) и не имевшая, в отличие от горбачевской администрации, опыта работы с национальными движениями, предпочла «противодействие» для стабилизации Конфедерации. До начала 1993 года политика российского руководства объективно была направлена на обособление Кавказа от России, однако, несмотря на существование центробежных тенденций (они носят декларативный характер и обычно используются политическими элитами для давления на федеральный центр), на Северном Кавказе довольно сильны идеи российского федерализма. Это подтверждается не только движением «интегризма» в эпоху всеобщего сепартизма, но и поддержкой по сей день со стороны кавказских национальных лидеров (в том числе и чеченских), идеи «обновленного Союза и России». Причем России, осознающей и действующей в своих национальных интересах. Не случайно «враг номер один» чеченской революции вице-президент России Александр Руцкой, заявивший летом 1992 года (во время грузино-осетинского кризиса), что «у России есть стратегические интересы на Кавказе», был приглашен председателем парламента КНК Юсупом Сосламбековым на чрезвычайный съезд в Грозном.

В январе 1993 года наметился существенный перелом в российской политике на Северном Кавказе: была сделана попытка перейти от идеи конфронтации к поиску механизмов регионального сотрудничества (об этом свидетельствует организация «круглых столов» всех политических сил региона и региональных совещаний различного уровня с участием федеральных властей, поддержка региональной экономической Ассоциации и др.) Однако к тому времени новая политика федерального центра фактически лишилась социальной базы в регионе: осетино-ингушский конфликт разделил и без того переживающие кризис интегритские движения Северного Кавказа.

Абхазо-грузинская война, политический кризис в Чечне и осетино-ингушский конфликт¹⁶ в ноябре 1992 года фактически ознаменовали новый этап в

¹⁵Независимая газета, 24.10.92.

¹⁶Последняя волна протестов, связанная с возобновлением претензий ингушей на Пригородный район (передан Северной Осетии в 1944 году во время высылки ингушей и чеченцев в Среднюю Азию), началась в 1989 году. В результате обсуждения вопроса на заседаниях КНК осетинская делегация признала справедливость претензий, однако настаивала на поэтапном (с чем согласилась и ингушская делегация) решении проблемы. Однако влияние национально-демократических движений Северной Осетии (как входящих в КНК, так и не входящих) на официальную элиту невелико, что привело к затягиванию в реализации достигнутых договоренностей. Росту взаимного недоверия способствовало также учреждение Республиканской гвардии Северной Осетии осенью 1991 года (данное нарушение действующей Конституции РФ было «замечено» только после столкновений в ноябре 1992 года), с одной стороны, «протбилисская» позиция ингушей (осетины обвиняют Грузию времен Гамсахурдиа и Шеварднадзе в поставках оружия военизированным формированиям ингушей) — с другой.

развитии Конфедерации. Его основными чертами стали: усиление пророссийских настроений¹⁷ среди лидеров абхазо-адыгского блока, значительные разногласия между председателем парламента Сослаббековым и президентом КНК Шапибовым (из-за радикализма последнего), снижение роли вайнахского (из-за ухода ингушской делегации и паралича чеченской делегации, вызванной политическим кризисом в Чечне) и дагестанского блоков. По-видимому, для преодоления кризиса идеи интегризма на Кавказе и сохранения собственных позиций как политической общекавказской структуры Конфедерации необходимо инициировать разработку конкретных общерегиональных программ и новых принципов регионального единства.

Союз казаков Юга России. Возрождение казачества Юга России напрямую связано с развитием политических процессов на территории экс-СССР, в том числе с аппаратной борьбой местных элит. При всей внешней несхожести казачьих движений их, как и раньше, объединяет лозунг «Отечество, Православие, Народность». Раскол на «красных», обвиняемых российскими mass-media в связях с коммунистами, и «белых», «пропрезидентских», согласно трактовке новой демократической прессы, отражает трудности самоопределения политического спектра посткоммунистической России (патриотические лозунги используются всеми новыми партиями) и отсутствие «шкалы ценностей» формирующегося общества. Именно современные деятели партии Интернационала (КПСС) провозгласили лозунги местного патриотизма Юга России: «не дадим Центру грабить Кубань¹⁸ (Дон)»; «никакой прописки беженцам»; — и поддержали ростки казачьего самоуправления в 1989 — 1990 годах.

Наиболее многочисленные казачьи организации России сосредоточены на Юге. Причем резервы казачьего движения далеко не исчерпаны: согласно данным исследования социологического центра «Мониторинг» (лето 1992), в Ростовской области проживает от 1 до 1,5 млн. этнических казаков (28% опрошенных четко идентифицировали себя как казаков, 12% затруднились с ответом на вопрос¹⁹), в Краснодарском крае около 1 млн. (20% населения); официальная оценка численности казачества в Ставропольском крае 70 тысяч человек, однако, по словам заместителя главы администрации края Василия Красули, данная цифра сильно занижена.

Росту популярности идеи казачества способствует, прежде всего, национальное самоопределение кавказских народов — например, претензии на создание национальных районов в Краснодарском крае²⁰ стали причиной активизации каза-

¹⁷ Правда, среди национальных и казачьих лидеров на Кавказе различают Россию и Москву, которая «выразителем российских интересов не является».

¹⁸ Летом 1992 года бывший коммунистический лидер Кубани Николай Кондратенко имел самый высокий рейтинг в Краснодарском крае, самый низкий был у главы администрации Василия Дьякова, назначенного Ельциным после путча (снят зимой 1993 года).

¹⁹ По оценке донского атамана Мещерякова, не менее 50% населения области казаки (Московские новости, 24.05.92).

²⁰ На территории края зафиксированы следующие попытки оформления национальных районов: Шапсугия, включающая Лазаревский и Туапсинский районы; формирование

чества не в традиционных местах расселения на севере, а на юге Кубани. В условиях распада СССР, образования независимых государств в Закавказье и роста сепаратистских настроений на Северном Кавказе казачество Дона, Кубани и Терек рассматривает себя как авангард российской государственности на Кавказе.

Другим немаловажным фактором роста казачества является современное российское законодательство: закон о репрессированных народах, проект закона о малочисленных народах предусматривают льготы новым «статусным» этносам при распределении земли, обеспечении представительства в органах власти²¹ и т.п., что приводит к росту численности «новых титульных этносов»²².

Однако казачество неоднородно: например, на Кубани существует «красная» Кубанская казачья рада (ККР) и «белое» Кубанское казачье войско, образование которого напрямую связано с противостоянием местной администрации, назначенной из Москвы, и краевого Совета (хотя прямого альянса между последним и ККР не существует). В последнее время обе казачьи организации предпочитают не афишировать своих противоречий, подчеркивая, что принципиальной разницы между ними нет. Отчасти такое поведение связано с «медлительностью российского правительства» при проведении мероприятий по реабилитации казачества.

Российское руководство, приняв в апреле 1991 года многообещающий Закон о репрессированных народах, фактически самоустранилось от его реализации. В настоящее время предпринимаемые официальной Москвой шаги по налаживанию диалога с казачеством носят постсобытийный, регистрирующий характер. Отсутствие у России концепции национальных приоритетов, неустойчивость границ в СНГ, резко возросшая миграция населения, претензии национальных меньшинств на создание административных единиц способствовали политизации казачества. Однако непосредственной причиной реализации прототипов казачьего самоуправления (от создания отрядов, фактически подчиняющихся только своим атаманам, для патрулирования городов, охраны границ и формирования «таможенных» постов до прямого давления на власть²³) стал паралич центральной и местной власти, вызванный прежде всего отсутствием правовой базы перераспределения полномочий между различными структурами федерального

единицы Черкессии (Шансугия, Адыгея, Черкессия, Кабарда и включение ряда районов края для территориального единства «государства адыгов»). Национальные движения Украины выдвигали претензии на Кубань как «земли исторического освоения украинского казачества».

²¹ Например, администрация Ростовской области разработала (июнь 1992) концепцию реабилитации казачества, предусматривающую включение казаков в состав комиссий по приватизации, земельной реформе; учет мнения казачества при формировании аппаратов администраций и т.д.

²² Аналогичное явление наблюдается и на Севере, где численность «малых» народов Севера начала возрастать не за счет естественного прироста.

²³ При активном участии казачества Краснодарский крайсовет выразил недоверие главе администрации Василию Дьякову, подал в отставку зам. главы администрации Курганинска (Краснодарский край) и др. Подобные факты дали повод автору статьи «Казаки наводят «порядок» в Ростове с оружием в руках» («Известия», 14.09.92) задать вопрос: «Ну, а власть в городе есть?» — и ответить: «Вроде была, помнится, выбирали...»

и местного уровня (впрочем, как и отсутствие реальной модели взаимодействия федерального центра и регионов).

Непоследовательность федеральных властей привела к дистанционированию от правительства и «пропрезидентских» казачьих войск. Например, атаман Союза казачьих войск России Альберт Ветров заявил: «Казачество всегда ориентировалось не столько на правительственные структуры, сколько на армию... Пока избран президент, мы должны выполнять его указания, если мы ему доверяем», однако не смог ответить: «Доверяет ли он президенту?»²⁴ (Прогресс во взаимоотношениях казачьих структур и Ельцина поместился после принятия мартовского (1993) указа президента о казачьих войсках. Это подтвердил и апрельский референдум на русском Юге, когда казаки, еще недавно обвинявшие Ельцина в «распродаже России», проголосовали за президента. Однако следует ожидать, что затягивание с выполнением указа, связанное с перманентным кризисом федеральной власти, вызовет новое дистанцирование казаков от российского руководства и рост популярности идеи регионального интегризма.)

Созданный в июне 1992 года Союз казаков Юга России объединяет терское, кубанское, донское, ставропольское казачество. При всей аморфности объединения²⁵, связанной прежде всего с политическими амбициями казачьих атаманов и попытками официальных властей (местного и российского уровней) создать «ручные» казачьи движения, Союз казаков Юга России выдвигает ряд общих требований²⁶: признание за казачеством статуса репрессированного народа, право на создание национально-территориального образования²⁷ в любом из казачеств и традиционного административно-территориального управления с выбором атамана; возрождение исторического представительства казачества на всех уровнях государственной власти; недопустимость продажи земли и передачи ее мигрирующему неказачьему населению (прежде всего «кавказцам»²⁸), формирование казачьих войск для охраны государственной границы России.

²⁴ Независимая газета, 14.10.92.

²⁵ Например, «Известия» (02.06.92) так прокомментировали создание Союза: «Что касается Союза, то он не обещает быть ни прочным, ни долговечным. Дело в том, что каждая делегация уходила с круга со своим толкованием принятых решений».

²⁶ Формулировки даны в соответствии с решениями Большого круга казаков Области войска Донского в октябре 1991 года.

²⁷ На Юге России за создание казачьих республик выступали: терское казачество (восстановление Сунженского казачьего округа в границах 1928 года 11 станиц Северной Осетии, Ингушетии); Союз казаков Области войска Донского («как единственная национальность, имевшая до Октябрьского переворота 1917 года свою государственность» — РГ, 16.07.92); кубанское казачество (создание Зеленчукско-Урупской и Баталпаинской казачьих республик в Карачаево-Черкессии). Причем следует ожидать новой активизации данных требований при проведении приватизации земли в регионе.

²⁸ Под «кавказцами» понимаются народы Северного Кавказа и Закавказья. По данным пресс-службы Ростовского облсовета, за последние 2 года на территорию области прибыло около 20 тысяч беженцев; количество проживающих в области чеченцев и азербайджанцев с 1970 года возросло в 7 раз, лезгин в 5,6; аварцев в 7,3; ингушей в 4,8 раза (РГ, 02.09.92).

Однако выдвинутые требования отнюдь не являются жестко закрепленными, а их трактовка носит ситуативный характер. Так, после указа Ельцина о реабилитации казачества (25 июня 1992) упразднение местных советов и передача власти хуторским атаманам в ряде населенных пунктов Ростовской области были охарактеризованы на совместной пресс-конференции местных властей и казачьих атаманов следующим образом: «В случае успешного введения в районах атаманского правления административная власть будет устранена естественным путем, в противном случае естественно отпадает вопрос об атаманском правлении»²⁹. На вопрос о частной собственности на землю, казачьи атаманы неизменно подчеркивают в интервью, что «земельная войсковая собственность» не означает сохранения колхозов — «просто единоличнику при нынешних ценах не развернуться»³⁰.

Столь же условен антагонизм казаков и народов Северного Кавказа — в 1992 году наряду с митингами под лозунгами выселения армян и «кавказцев» предпринимались попытки создания «обществ дружбы» и подписания соглашений между казаками и различными этническими обществами (армян, татар и др.). И часть казаков, и большинство лидеров национальных движений КНК придерживаются тезиса о казаках и горцах как «двух коренных народах Северного Кавказа», а в славянских областях региона поговаривают о формировании особого субэтноса Юга России. Весна 1993 года характеризуется установлением более тесных отношений между двумя крупнейшими объединениями Северного Кавказа — Союзом казаков и КНК (в рамках данного процесса прошли переговоры в Нальчике (28.02.93), в Пицунде (27.03.93), в Ставрополе (28.04.93)). Причем при всех сложностях переговорного процесса и противоречиях между горскими и казачьими движениями эти встречи, как и участие в них «альтернативных» КНК представителей Общенационального совета Карачая, Северокавказского демократического конгресса, свидетельствуют о формировании новых региональных институтов гражданского общества.

(Довольно любопытно использование общих штампов казаками и некоторыми лидерами национальных движений Кавказа по поводу внешнего влияния на ситуацию в России: например, «нынешний хаос является результатом сионистского заговора» — фамилия «Ельцин» и казачьими, и горскими лидерами трактуется как «Эльцин»; беседуя на Северном Кавказе, можно узнать, что «ЦРУ (КГБ) выделило миллионы долларов (рублей) на борьбу с казачеством (горцами)» и т.п. И казаки, и горцы недовольны получением гуманитарной помощи, полагая, что Запад (и прежде всего США) способствовал созданию голодной ситуации в «великой стране». Безусловно, существует множество различий между национальными движениями Северного Кавказа (причем требование возрождения ка-

В Ставропольском крае за 1989 — 1991 годы на постоянное место жительства приехало 30 тыс. человек («Известия», 14.04.92). В Краснодарском крае за последние 4 года численность армян (в 1989 году 3,7% населения) увеличилась в 2,5 раза (Независимая газета, 08.09.92). Следует отметить, что реальное число беженцев гораздо выше.

²⁹РФ, 03.07.92.

³⁰Московские новости, 24.05.92.

зачастую оценивается лидерами горских народов как попытки военного давления, в то же время самоопределение горских народов способствует росту популярности идеи казачества среди славянского населения). Однако существование тенденции к самоидентификации народов с Россией (пусть при условии «внешнего заговора») может стать решающим фактором для формирования современной общероссийской идеологии.)

Среди других общерегиональных организаций следует выделить:

I блок — действующие на федеральном уровне:

Ассоциация тюркоязычных народов (наследница Ассоциации народов Востока, созданной казахским диссидентом и «политическим беженцем США» Алмазом Эстековым под эгидой Олжаса Сулейменова осенью 1990 года) до недавнего времени не играла особой роли в политической жизни экс-СССР. Но ряд политиков рассматривал (без реальных в тот момент оснований) создание Среднеазиатского союза³¹ и попытки наиболее экономически развитых автономных республик России Татарстана и Башкортостана самостоятельно подписать двусторонние договоры с бывшими «союзными республиками»³² как рост «пантюркизма» в экс-СССР. Активизация этой организации в ближайшем будущем весьма вероятна. Это связано с существенным ослаблением влияния федерального центра в регионе — за счет перманентного противостояния в Москве, отсутствия конкретных шагов по разделению полномочий между центром и субъектами, непоследовательной политики в регионе. По-видимому, официальная Анкара также готова к изменению своей политики в этом направлении. Характерно, что в марте 1993 участие в курултае представителей национальных движений и органов власти тюркоязычных государств и регионов, проходящим под лозунгом «Тюркскому миру — взаимосотрудничество», приняли официальные лидеры Турции. По словам участника встречи, одного из лидеров Национального Совета балкарского народа Мухарби Каркаева, основными вопросами на курултае стали проблемы выработки единого языка (и прежде всего переход на латинскую графику); помощь Турции в подготовке высококвалифицированных специалистов, в развитии инфраструктуры тюркских регионов. Эта встреча в Анатолии значительно активизировала деятельность национальных организаций тюркоязычных народов.

Деятельность Ассоциации репрессированных народов (учреждена 3 июля 1991 года), включающей представителей национальных движений четырех северокавказских этносов (карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев), связана с проблемами полной (и прежде всего территориальной) реабилитации репрес-

³¹ Среднеазиатский союз — «южный» аналог Балтийского Совета — создан в августе 1991 года в Ташкенте. О создании Среднеазиатского союза впервые было объявлено 23 июня 1990 года в Алма-Ате в ходе первой встречи руководителей республик Средней Азии. На встрече 13 — 14 августа 1991 г. был сформирован Межреспубликанский комитет, решения которого имеют силу на территории Средней Азии, Казахстана и Азербайджана, присоединившегося к союзу в 1991 году.

³² В начале 1992 года Татарстан и Башкортостан подписали ряд экономических договоров со странами Средней Азии, заинтересованными в прямых поставках продуктов переработки нефти.

сированных народов, что подразумевает основную активность на федеральном (а не на региональном) уровне. Тем не менее ряд действий Ассоциации имел непосредственное значение для северокавказского региона. Прежде всего разработанные при участии Ассоциации Закон о репрессированных народах (без механизма реализации), Закон об образовании Ингушской республике (без определения границ нового государственного образования) вызвали дестабилизацию ситуации на всем Кавказе.

2-й блок. Созданные по инициативе федеральных властей. Попытки создать сверху «организацию пророссийской ориентации в регионе» наблюдаются с осени 1991 года, когда по инициативе председателя палаты национальностей Верховного Совета РФ Рамазана Абдулатипова прошел учредительный съезд Ассоциации народов Кавказа (Москва). АНК рассматривалась как определенный (и прежде всего интеллектуальный) противовес Конфедерации горских народов Кавказа, провозгласившей в тот момент курс на воссоздание Горской республики. Однако реальное время существования организации оказалась невелико (отчасти именно из-за аморфности основного противника — Конфедерации и постоянной смены ориентиров КГНК). Все же АНК оставила заметный след в культурной жизни региона: за два года вышло два номера специализированного журнала «Эхо Кавказа», посвященного проблемам культурной, экономической и политической интеграции кавказских народов.

«Содействие образованию и росту популярности пророссийски ориентированных общественных движений»³³ рассматривался федеральной властью как универсальный способ борьбы с сепаратистскими устремлениями национальных движений Кавказа. В отличие от горбачевской администрации у новых российских властей отсутствовал опыт диалога с общественными объединениями, что и стало причиной разработки подобного подхода. Несмотря на неудачи, практика создания федеральными властями региональных организаций на Кавказе продолжается:

Северокавказский демократический конгресс организационное оформление получил на Учредительной конференции в Пятигорске 17 января 1993 года. В отличие от предыдущих попыток³⁴ создать общерегиональную демократическую организацию с центром в Нальчике, нынешняя инициатива ставропольских демократов была весьма успешна: в Политсовет Конгресса вошли представители 19 организаций (общее число участников совещания — 37 республиканских партий, движений и региональных отделений общероссийских партий), а возглавил его лидер чеченской оппозиции, экс-министр нефтяной про-

³³ См., например, доклад «Концепция национальной политики РФ на Северном Кавказе», подготовленный специальной группой при Совете безопасности РФ и опубликованный в газете «Юйге игилик» («Мир дому твоему», N16, 1993).

³⁴ Первая конференция региональных организаций общероссийских демократических партий прошла в марте 1990 года. Конгресс демократических сил Кавказа был учрежден 01.03.91, Декларацию КДСК подписали 17 общественных организаций и региональных отделений демократических общероссийских партий. Однако, по признанию самих инициаторов КДСК, в тот момент единый региональный центр не воспринимался даже демократическими партиями: главной проблемой была победа на выборах в местные органы власти.

мышленности бывшего СССР академик Саламбек Хаджиев. Однако вряд ли можно согласиться с мнением инициаторов Конгресса, что его создание свидетельствует о росте популярности общедемократических ценностей в обществе и в частности в северокавказском регионе: большинство представителей учредительной конференции расценило создание Конгресса как инициативу Госкомитета по делам национальностей³⁵ и, следовательно, возможность непосредственной апелляции к федеральному центру. Кроме того, для многих лидеров многочисленных организаций факт участия в Конгрессе является самоценностью, поскольку увеличивает их значимость в собственных республиках и городах³⁶. Наиболее массовыми коллективными членами Конгресса являются национальные движения карачаевцев, балкарцев и ингушей, однако они входят практически во все интеграционные движения на Северном Кавказе с целью активизации различных политических сил региона для решения проблем территориальной реабилитации своих народов. (Исключение в списке возможных альянсов для данных этносов составляет лишь Конфедерация народов Кавказа, участие в которой неприемлемо для балкарцев и карачаевцев из-за конфликтов с народами «адыгского блока» в двухсубъектных республиках — Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Однако это противостояние, возникшее в результате неоднократного изменения границ в регионе и борьбы официальной элиты республик против объединенной оппозиции, имеет тенденцию к затуханию. В переговорах между лидерами Конфедерации горских народов Кавказа и Союза казаков Юга России в рамках северокавказского интегралума приняли участие представители Общенационального совета Карачая, Северокавказского демократического конгресса.)

³⁵ Тем более что одним из активных участников Конгресса стал лидер Республиканской партии России и заместитель председателя Госкомнаца в тот момент Владимир Лысенко.

³⁶ Участие этих организаций в Конфедерации народов Кавказа затруднено не только формальным требованием КНК о членстве представителей общенациональных съездов в парламенте КНК (для ряда входящих делегаций Дагестана, Карачая данное требование не выполняется), но и связано со стабилизацией состава интеграционных структур на Северном Кавказе, амбициозностью лидеров, общим кризисом национальных движений.

Как и православие в России, мусульманские народы Кавказа рассматривают ислам в качестве одной из составляющих национальной культуры: о национальном характере ислама свидетельствует прежде всего фактический распад региональных казиатов (духовных управлений) и выделение независимых структур духовной власти в автономиях России; появление независимых, национальных исламских партий и движений³⁷. Безусловно, в условиях этнического многообразия народов Кавказа попытки создания общекавказской идеологии неминуемо должны были пройти «исламскую фазу»: исламская атрибутика, используемая лидерами национальных движений (кроме осетин и абхазов) на заседаниях Ассамблеи горских народов Кавказа, прижилась именно как объединяющая символика большинства народов Кавказа. После «чеченской революции» исламская атрибутика стала применяться как символ единства вайнахов и адыгов, между которыми в АГНК наблюдалось определенное соперничество в борьбе за лидерство на Кавказе.

Однако абхазо-грузинский конфликт способствовал росту популярности идеи конфронтации с «имперской Россией», а «исламский фактор» явно не способен стать идеологией «Кавказского общего дома». Отказ от «исламского фактора объединения» наиболее ярко проявился в Чечне — в ноябре 1992 года парламент отменил проект закона о наказаниях за уголовные преступления по нормам шариата и подчеркнул светский характер власти в республике.

В настоящий момент попытки придать характер межконфессионального (или межцивилизационного) противостояния на Кавказе как в общественной жизни, так и в вооруженных столкновениях (абхазо-грузинских, осетино-ингушских) не выдерживают никакого серьезного рассмотрения, хотя, безусловно, исламский фактор используется некоторыми политическими лидерами новой национальной элиты (прежде всего в Чечне), а также официальной элитой «христианских» стран Закавказья Армении, Грузии и отчасти Северной Осетии. Однако «христианские» лидеры Карабаха принимали участие в работе «мусульманской» Конфедерации горских народов Кавказа в качестве наблюдателей, а «христианский» президент Гамсахурдия поддерживал мусульман-ингушей в пограничном конфликте с «православной» Осетией.

В Грузии «исламский фундаментализм» стал удобной ширмой для объясне-

³⁷ Например, в Дагестане таких партий, независимых от «общесоюзной» Исламской партии Возрождения, сразу три.

ния западному сообществу военной экспансии в Абхазии. Грузино-абхазский конфликт как пограничный конфликт двух цивилизаций рассматривается не только грузинскими лидерами, но и занимает значительное место в российских mass-media. Достаточно вспомнить многочисленные заявления на страницах российских изданий добровольцев Северного Кавказа, выдвинувших в качестве одного из обоснований участия в грузино-абхазской войне лозунг: «Наша помощь абхазам — воля Аллаха». А войсковой священник Кубанского казачьего войска Валентин Голиковский так охарактеризовал ситуацию: «Посудите сами — грузины, как и мы, народ православной веры, большинство же абхазов — мусульмане (лишь часть абхазского населения приняла в XVII веке мусульманство, однако на территории Абхазии до сих пор не было ни одной мечети — прим.)... Сейчас же наш регион стал форпостом христианской цивилизации. И я думаю, что, к сожалению, столкновение между этими двумя мирами неизбежно», и добавил: «Скорее мы придерживаемся нейтралитета»³⁸. Однако рекламируемое «мусульманство» абхазов не оказало заметного влияния на позицию Кубанской казачьей рады, Совет атаманов которой уже 19 августа направил телеграмму президенту России о необходимости поддержки «суверенной республики Абхазия», заявив, что кубанское казачество «решительно встанет на защиту абхазского и славянского населения Абхазии». И казаки, и другие представители славянских народов воюют добровольцами в Абхазии против «православных» грузин. Для славян, как и для народов Северного Кавказа непосредственным импульсом к участию стала ориентации Абхазии на Союз, а затем и на Россию³⁹ это подтвердили и сентябрьские социологические опросы ВЦИОМ по России: большинство населения многоконфессиональной России, в том числе и в «православных» областях, поддержало абхазов.

Осетино-ингушское противостояние в Пригородном районе Северной Осетии на протяжении последних трех лет, когда был поставлен вопрос о возвращении отторгнутых в 1944 году земель Ингушетии, также рассматривается в рамках межконфессионального противостояния. Данная трактовка усугубляется претензиями терского казачества на статус «коренного» народа в Пригородном районе, однако, если в данном противостоянии терское казачество поддерживает осетинскую сторону, в Моздокском районе Северной Осетии, где преимущественно проживают русские (59% против 9% осетин), терское казачество выступает за возвращение района Ставропольскому краю.

Характерно, что трактовка конфликта как межконфессионального используется политическими элитами Северной Осетии и России: в первом случае для реализации льготной политики федерального руководства в отношении отдельной автономии, стабилизации положения нынешней элиты и закрепления границ, во втором — благодаря отсутствию концепции идеологии развития

³⁸ Независимая газета, 10.10.92.

³⁹ После неудачных попыток найти поддержку со стороны российского руководства идея федерализации Грузии лидеры Абхазии изменили вектор политических пристрастий приоритетом абхазской политики становится региональное единство республик и краев Северного Кавказа. Характерно, что аналогичные процессы произошли и в Южной Осетии.

России. Необходимо констатировать, что российское руководство в значительной мере способствует росту значимости «исламского фактора» на всем постсоветском пространстве, причем на территории России и на территории СНГ действует два совершенно различных механизма.

Решающую роль в формировании подобной тенденции в России сыграл поиск государственной самоидентификации в православии: принятие в декабре 1990 закона о праздновании православного Рождества на всей территории многоконфессиональной России, бесконечные трансляции встреч президента России с православным духовенством и в то же время пренебрежительное описание совершения хаджа «мусульманскими лидерами» (как российскими, так и среднеазиатскими) в одних и тех же изданиях способствуют росту сепартизма в российских неправославных республиках, нарастанию конфессионального противостояния в российском обществе и, в конечном итоге, появлению «исламского фактора». Использование православия в официальной политике привело и к тому, что российское руководство стало рассматривать ислам как реальную угрозу собственной стабильности в Поволжье и на Кавказе. Последнее обстоятельство с успехом было использовано и южноосетинскими лидерами для изменения отношения российской элиты к военной политике Шеварднадзе в Южной Осетии и активного вмешательства в конфликт летом 1992 года: заместитель председателя ВС ЮОР Алан Чочиев заметил, что наиболее сильным аргументом для московской элиты стало заявление, что «осетины готовы принять мусульманство в обмен на помощь в конфликте».

Влияние России на рост значимости «исламского фактора» за пределами Федерации связано с политическими процессами на территории экс-СССР: после развала Союза в «мусульманских республиках» произошла консервация «коммунистических» элит у власти. После путча (1991) демократическая Россия однозначно сформулировала свое особое место в «обновляемом» Союзе, а на попытки дальнейшей суверенизации новых государств пригрозила пересмотром границ. Под демократическо-имперскую позицию России было подведено обоснование: «Демократическая Россия должна помочь новым государствам избавиться от ига национал-коммунизма». И хотя данный лозунг был вскоре отброшен, отношение к посткоммунистическим элитам и национал-демократической оппозиции, зачастую блокирующейся с исламскими партиями и движениями, сохранилось и способствовало росту нестабильности на южных границах СНГ.

ОСНОВНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Помимо факторов напряженности, характерных для всех российских регионов (перераспределение ресурсов и собственности, существенное ослабление влияния и контроля федерального центра на процессы в провинции и пр.), Северный Кавказ обладает специфическими чертами, увеличивающими вероятность открытых конфликтов. В числе таких черт региона в первую очередь следует назвать:

— полиэтничность (в регионе проживает около 50 автохтонных этносов, есть многочисленные группы славян, закавказцев, евреев и др.);

— поликонфессиональность (преобладают мусульмане-сунниты и христиане-православные);

— проблемы реабилитации репрессированных народов⁴⁰ чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев (особо остро стоит вопрос о территориальной реабилитации);

— неоднократные изменения границ национальных и административных образований на Кавказе, создание двухсубъектных унитарных республик (Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии);

— изменение ареалов расселения автохтонных этносов (за счет ряда факторов — истребление горских народов и строительство «казачьих линий» в ходе Кавказской войны, массовое махаджирство⁴¹ в Турцию и заселение Северного Кавказа славянскими народами, армянами во второй половине XIX в., выселение горцев с равнинных земель в горы и заселение плоскости казаками и русскими поселенцами в конце XIX — начале XX в., массовая миграция «европейцев» в 30 — 60-е годы XX века в связи с промышленным освоением региона, депортация народов во время второй мировой войны и др.);

— изменение «статуса» этносов (например, «статус» абхазов изменился от «союзного» до «автономного»);

⁴⁰ На статус репрессированных народов также претендуют казаки, южные осетины и кумыки; первые — на основании преследований казачества большевиками во время гражданской войны, вторые и третьи — утверждая, что освободившиеся после выселения чеченцев и ингушей в 1944 году земли заселялись кумыками (Луховский район Дагестана) и осетинами (Пригородный район) в административном порядке. Однако массовое переселение южных осетин и кумыков происходило в освоенных районах (коммуникации, жилье, инфраструктура сельского хозяйства, скот и др.).

⁴¹ Вынужденная эмиграция горцев-мусульман после окончания Русско-Кавказской войны.

— «разделенность» этносов на Кавказе между различными республиками (адыги, погайцы) и между различными государствами (абхазо-адыги, осетины, лезгины).

Ситуация на Северном Кавказе усугубляется структурой общесоюзных инвестиций, направленных на создание крупного производства и привлечение квалифицированной рабочей силы из других регионов России. И хотя масштабы данного явления были существенно меньше подобных мероприятий в Средней Азии, социальный конфликт, связанный с реализацией «азиатской структуры занятости населения» (коренное население — сельское хозяйство, приезжие — промышленность), в условиях хронической безработицы среди сельского населения Северного Кавказа (в советской социологии деликатно именуемой «трудоизбыточностью»)⁴² способен обернуться межнациональными кризисами, формированием мощных миграционных потоков и дестабилизацией ситуации от Ставрополя до Поволжья в течение длительного времени. Следует отметить, что сохранение традиционного образа жизни и высокого процента сельского населения (например, в 1989 году среди чеченцев удельный вес сельского населения составлял около 75%, среди карачаевцев и черкесов до 70% и т.д.) при проведении земельной реформы станет причиной обострения не только межнациональных, но и межродовых (клановых) противоречий в республиках Северного Кавказа.

Благодаря этнической мозаичности большинство противоречий постсоветского пространства (социальных, экономических, пограничных, перераспределения власти и др.) на Северном Кавказе примут форму межнациональных конфликтов.

Немаловажным фактором роста напряженности на Северном Кавказе является российская политика в регионе. Блокирование исполнительными структурами всех уровней реализации Закона о реабилитации репрессированных народов; указы президента о реабилитации казачества при отсутствии государственной программы по возрождению казачества; политика российского руководства в отношении конфликтов в Закавказье, приведших к этнической чистке и выселению кавказской диаспоры или родственных горцам народов из Закавказья; запаздывание или неадекватность реакции российского руководства на происходящие процессы (отношение к «чеченской революции» в ноябре 1991 года, «чеченскому варианту» в Кабардино-Балкарии в сентябре 1992 года, осетино-ингушскому конфликту в ноябре того же года и пр.); однозначная поддержка старых официальных элит в регионе в борьбе с оппозиционными национальными движениями — все способствует нарастанию межэтнического противостояния, росту сепаратизма на Кавказе.

⁴² Плотность населения на Северном Кавказе находится в пределах от 27,7 чел. на кв.км (Карачаево-Черкесия) до 76,5 (Северная Осетия); аналогичный показатель для России в целом составлял в 1985 году 8,4. Трудоизбыточность региона стала причиной такого явления на Северном Кавказе как, «отходничество», когда мужское население сел формирует строительные бригады и выезжает на сезонные работы в Россию. Сегодня данная ситуация проявляется также в вывозе капиталов с Северного Кавказа, а не вложением капитала в модернизацию экономики самих северокавказских республик.

В настоящий момент на Северном Кавказе в форму открытого военного столкновения вылился только один конфликт — осетино-ингушский. Возникновение этого конфликта связано с событиями 1944 года, когда чеченцы и ингуши (вайнахи) были выселены в Среднюю Азию, а территория Чечено-Ингушской АССР разделена между Грузией, Северной Осетией и Ставропольским краем РФ. После восстановления автономной республики в 1957 году Чечено-Ингушетии были возвращены районы, переданные Грузии, Ставропольскому краю, Северной Осетии (кроме Пригородного района), и переданы два района Наурский и Шелковской Ставропольского края. (В начале 90-х годов представители Северной Осетии выдвинули версию о том, что эти два района Ставропольского края были переданы в 1957 году Чечено-Ингушетии «вместо Пригородного района». В свою очередь ингушская общественность не рассматривает передачу этих районов в состав ЧИАССР как компенсацию за Пригородный район, так как переданные территории заселены казаками, чеченцами и ногайцами; и включение районов в ЧИАССР не решило проблему возвращения исторических земель Ингушетии. В результате административного передела границ сдвиг ареала обитания ингушей все же произошел: высокие темпы прироста вайнахских народов и отсутствие условий для возвращения в Пригородный район ингушей привели к тому, что основным населением Сунженского района, где до выселения в 1944 году проживали чеченцы, стали ингуши.)

Вопрос о возвращении Пригородного района ингушская общественность поднимала задолго до перестройки: в начале 60-х годов, в 1970, 1973 годах и т.д. В 1988 — 1989 гг. в Ингушетии возникло движение за возвращение Пригородного района с правобережной частью города Владикавказа под лозунгом восстановления Ингушской автономной республики в границах 1934 года, которое вскоре получило общенациональную поддержку ингушского народа. С конца 80-х гг. вопрос о возвращении Пригородного района стал главным вопросом политической жизни Ингушетии.

Острота данного требования со стороны ингушей связана с несколькими причинами. Во-первых, территория Пригородного района составляет около трети исторических ингушских земель, причем эта часть Ингушетии являлась центром формирования ингушского этноса⁴³, центром политической, экономической, культурной жизни Ингушетии. Во-вторых, наиболее авторитетные ингушские семьи, заметно влияющие на политическую ситуацию в республике, происходят из крупных сел Пригородного района (Базоркино, Ангушт, Гадаборшево и др.). В-третьих, радикальность требований о возвращении Пригородного района во многом вызвана политикой дискриминации ингушей в Северной Осетии (реализация специальных актов Совмина СОАССР в 1956 года (N 063) и Совмина

⁴³ Заметим, что культ «земли предков», где находятся родовые могилы и древние захоронения, почитаем всеми кавказскими народами. Для адыгского этноса такой «землей обетованной» является Шансугия (Лазоревский район близ Сочи в Краснодарском крае), что обеспечивает поддержку требования о воссоздании национального района со стороны всех адыгских движений и КНК.

СССР 1981 года (N 183)⁴⁴ привела к ограничению прописки ингушей в Пригородном районе, а значит, и устройства на постоянную работу и др.).

Неприемлемость требования о возвращении Пригородного района для Северной Осетии объяснялась тем, что Северная Осетия является самой густонаселенной республикой Северного Кавказа (по данным 1985 года, плотность населения 76,5 человека на кв.км): восстановление административных границ с Чечено-Ингушетией по границам 1944 года в условиях огромного потока беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии чревато социальным взрывом в республике.

Современный конфликт между ингушами и осетинами мог принять военную форму еще весной 1991 года во многом благодаря вытеснению ингушей под напором осетинских беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии⁴⁵. Социальная напряженность усугублялась тем фактом, что для осетин из Грузии, вынужденных покинуть свои дома в результате осетино-грузинского конфликта, ингуши были единственным народом на Северном Кавказе и Закавказье, лидеры национальных движений которого поддерживали тесные связи с Гамсахурдиа во время конфликта⁴⁶. В то время накал противостояния был снят обещаниями Бориса Ельцина решить проблему, однако двойственность его обещаний российскому лидеру (на встрече во Владикавказе Ельцин говорил о неизменности границ в России, а на митинге в Назрани — о скором принятии Закона о реабилитации репрессированных народов) предопределила лишь отсрочку конфликта.

Положение в регионе вновь осложнилось в конце 1991 года. Основной причиной обострения обстановки стал раскол Чечено-Ингушетии на суверенную Чечню и автономную Ингушетию, поставивший ингушский народ перед проблемой создания собственной государственности в условиях, когда все государственные институты (органы управления, образование, наука, культура, средства информации и коммуникации и пр.) остались в Грозном. Ингушская республика, по мнению лидеров ингушского национального движения, не могла быть создана без трети своей территории и без своего столичного центра — правобережной части Владикавказ⁴⁷. Все это вызвало новое обострение ингушко-осетинского конфликта.

⁴⁴См. журнал «Лаган» («Ступени») N2, 1991, г.Грозный.

⁴⁵Осетино-грузинский вооруженный конфликт начался в ноябре 1989 года, в марте 1990 года из-за кризиса внутри грузинского национального движения грузинские военизированные группы были выведены из Южной Осетии. Однако давление на осетинскую диаспору во внутренних районах Грузии не прекратилось, а конфликт вновь перешел в войну на территории Южной Осетии в декабре 1990 года.

⁴⁶В тот момент Звиад Гамсахурдиа, политические сторонники которого победили на выборах, выдвинул идею «Кавказского общего дома», противостоящего «имперской Москве». Однако Гамсахурдиа не мог стать общерегиональным лидером: из-за конфликтов в различных районах Грузии (Абхазии, Осетии, армянских и азербайджанских районах) его имя было непопулярно даже среди кавказских национал-радикалов. Поэтому его контакты с ингушскими лидерами национальных движений широко освещались грузинской печатью.

⁴⁷Вплоть до середины 30-х годов Владикавказ являлся общим административно-политическим, экономическим и культурным центром для ингушей, осетин и терских казаков. См. также Приложение 2.

Постоянному нагнетанию обстановки в регионе способствовала и пролонгация выполнения Закона о реабилитации репрессированных народов со стороны федеральных органов власти на фоне укрепления суверенитета Северной Осетии⁴⁸: республика (единственная в России) создала собственные вооруженные формирования (национальную гвардию и «народное ополчение»), прежде всего, для противодействия возможным попыткам отторжения Пригородного района. Однако российские лидеры, озабоченные послепутчевским наследием, обратили внимание на этот факт только после перехода конфликта в стадию вооруженной борьбы осенью 1992 года.

В мае 1992 года ВС Северной Осетии принял постановление о форсировании производства оружия на предприятиях Владикавказа для вооружения гвардии и ополчения⁴⁹. Одновременно, по данным МВД СОССР, происходит вооружение и активистов ингушских национальных организаций. Осенью 1992 года рейды военизированных отрядов ОМОНа по селам Пригородного района (официальная цель — изъятие незаконно хранящегося оружия) привели к локальным столкновениям ОМОНовцев с ингушской молодежью и новому витку конфронтации, появлению баррикад на окраинах ингушских сел. К концу октября конфликт в Пригородном районе вновь оказался на грани межнациональной войны. В это время председатель ВС Северной Осетии Ахсарбек Галазов обратился к ингушскому населению республики с ультиматумом, в котором потребовал до 30 октября разоружиться и разобрать заграждения на окраинах сел, пообещав в противном случае провести операцию по разоружению ингушских боевиков при помощи республиканских военизированных формирований (нацгвардии, ополчения, ОМОНа)⁵⁰. 31 октября в Пригородном районе начались столкновения отрядов ингушской самообороны и военизированных формирований СОССР.

Осетинская и ингушская стороны по-разному описывают первый этап вооруженного конфликта, обвиняя друг друга в нападении. По оценкам большинства наблюдателей, столкновения между осетинами и ингушами 31 октября — 10 ноября 1992 года носили спровоцированный характер. По мнению ингушской стороны, которое подтверждается экспертами союза «Щит», конфликт был спровоцирован руководством Северной Осетии и группой высокопоставленных российских военных для того, чтобы провести «этническую чистку» Пригородного района и запугать народы бывших автономий РФ, выступающих за выход из России (в первую очередь — соседнюю Чечню). С этой точки зрения конфликт был выгоден и Министерству обороны России: для формирования охраняемого «коридора» вдоль Военно-грузинской дороги и вывода вооружений из Закавказья.

⁴⁸ Укрепление суверенитета СОАССР происходило в рамках автономного «парада суверенитетов» и борьбы Ельцина и Горбачева, хотя для официальной элиты Северной Осетии оно приобрело наиболее политизированные формы: наряду с Татарстаном Северная Осетия отказалась проводить общероссийский референдум и практически не участвовала в выборах российского президента.

⁴⁹ «Северный Кавказ», 07.09.92.

⁵⁰ «Северный Кавказ», 02.11.92.

Осетинская сторона утверждает, что ингушко-осетинские столкновения спровоцированы ингушскими экстремистами, планировавшими вооруженный захват Пригородного района и части города Владикавказа. Официальные власти СОССР считают, что военные недостаточно активно участвовали «в прекращении конфликта»⁵¹, и неоднократно обращались к российскому правительству и Временной администрации района ЧП с просьбой «ужесточить режим чрезвычайного положения на административной границе с Ингушской республикой».

Правительство генерала Дудаева выступило с официальным заявлением, в котором говорится, что ингушко-осетинский конфликт был спровоцирован российским руководством при участии властей СОССР и лидеров Ингушского Народного Совета для того, чтобы вовлечь вооруженные силы Чечни в боевые действия и получить повод для ввода российских войск в Чеченскую республику.

С конца июня — начала июля 1993 года наблюдается новое обострение отношений в зоне конфликта, которое в первую очередь связано с неопределенным положением 60 тысяч ингушских беженцев, до сих пор не имеющих возможности вернуться в Пригородный район. Попытки Временной администрации разрешить проблему ингушских беженцев путем ингушко-осетинских переговоров зашли в тупик: несмотря на достигнутые договоренности делегаций Ингушетии и Северной Осетии о возвращении в Пригородный район тех беженцев, которые имели там прописку до начала столкновений (примерно около половины всех ингушских беженцев), как сообщил глава Госкомфедерации вице-премьер РФ Сергей Шахрай в интервью для программы «Итоги» 20 июня, власти СОССР под давлением митингов осетинских национальных движений во Владикавказе, выступавших против возвращения ингушей в Пригородный район, фактически отказались выполнять достигнутые договоренности. Данное решение, безусловно, приведет к росту криминальной ситуации в регионе и чревато новыми конфликтами в самом ближайшем будущем. В свою очередь, российское руководство, судя по летним (1993 года) заявлениям, не имеет плана мирного решения проблемы и все больше рассчитывает на использование военной силы для «стабилизации» межэтнических отношений.

В июне 1993 года в «горячую» стадию вступил **внутриполитический конфликт в Чеченской республике**. Начавшиеся с апреля выступления радикальной оппозиции под лозунгом отставки всех ветвей власти и проведения новых, демократических выборов подтолкнули президента ЧР Джохара Дудаева к установлению авторитарного режима: в течение апреля-мая генерал Дудаев распустил парламент, Конституционный суд, городское собрание Грозного, в обход Конституции произвел назначения своих сторонников на посты вице-президента, генерального прокурора, членов правительства. Разгром здания Грозненского городского собрания президентскими гвардейцами и вынужденный роспуск митинга оппозиции на Театральной площади 4 июня ознаменовали не

⁵¹ Этот факт стал причиной втягивания в конфликт южноосетинских отрядов: по свидетельству зампреда ВС Южной Осетии Алана Чочиева, в первый же день конфликта за помощью в Цхинвал прилетел бывший член Политбюро ЦК КПСС и нынешний народный депутат РФ от Северной Осетии Александр Дзасохов.

только окончание «реформирования» государственных институтов генерала-президента, но и одновременно стали началом гражданского противостояния и возможных вооруженных конфликтов в республике.

После 4 июня фактически начался раскол Чечни на горные районы, население которых в основном поддерживает Дудаева, и плоскость, где преобладают его противники. Базой радикальной оппозиции стал Надтеречный район (откуда родом «клан» экс-председателя ВС ЧИАССР Доку Завгаева), население которого со времени «чеченской революции» отказывается признавать новые власти; «умеренные» противники Дудаева (бывший первый вице-премьер Яраги Мамодаев, один из лидеров парламента ЧР и председатель парламента КНК Юсуп Сосламбеков, глава Грозненского городского собрания Бислан Гантамиров) в основном опираются на села Урус-Мартановского района. В течение июня – августа прошли столкновения правительственных формирований и сторонников оппозиции в Гудермесском, Надтеречном, Урус-Мартановском районах республики.

Многие национальные и межнациональные проблемы народов Северного Кавказа находятся в стадии «тлеющих» конфликтов, то и дело принимающих формы открытого социального протеста (митинги, голодовки, пикеты).

Целый клубок проблем и противоречий существует в Дагестане. Наиболее взрывоопасной из них остается проблема чеченцев-аккинцев (ауховцев), выступивших с требованием восстановления Ауховского района⁵², что привело к обострению не только чечено-лакских и чечено-аварских, но и лакско-кумыкских отношений.

Весной 1991 года отношения между чеченцами и лакцами в Новолакском и Хасав-Юртовском районах обострились, но напряжение исчезло после принятия в апреле ВС России Закона о реабилитации репрессированных народов и решения III съезда народных депутатов Дагестана (в мае) о поэтапном восстановлении Ауховского района. В сентябре 1991 года вспыхнул конфликт между чеченцами и аварцами в Казбеговском районе из-за вопроса о вхождении сел со смешанным населением в Ауховский район. Аккинцы выставили в Казбеговском районе палаточный городок с требованием включить села в Ауховский район; в Махачкале начались выступления аварских движений («Джамаат», Народного фронта имени имама Шамиля, Исламской партии Возрождения) за приостановление Закона о реабилитации репрессированных народов и решений III съезда народных депутатов Дагестана. Конфликт был урегулирован при посредничестве Руслана Хасбулатова и Рамазана Абдулатипова, специально прибывших в республику.

В апреле 1992 года произошло новое обострение чечено-лакских противоречий, вызванное затягиванием процесса восстановления Ауховского района. Радикальные аккинские организации в знак протеста установили на границе района указатель «Ауховский район» с гербом Чеченской республики (волк под луной на фоне гор), что вызвало протест лакской общественности. Райсо-

⁵² Существовал в Дагестане до их выселения в 1944 году (ныне земли чеченцев-аккинцев входят в Новолакский, Хасав-Юртовский и Казбеговский районы РД, где живут аварцы, лакцы и кумыки). Отметим, что массовых выступлений кумыкского населения против восстановления Ауховского района не было.

вет Новолакского района прекратил выделение чеченцам земельных участков. В защиту интересов дагестанских чеченцев выступили власти Чеченской республики. В сентябре драка между чеченской и лакской молодежью окончилась перестрелкой обеих сторон с местным ОМОНОм. В ночь на 6 сентября в район конфликта были введены бронепехотные части российского МВД (по официальной версии, для борьбы с преступностью), расположившиеся на границе с ЧР. В Хасав-Юрте на объединенном митинге ряд национальных движений кумыков, аварцев и чеченцев Дагестана потребовал вывода спецчастей МВД РФ с территории республики.

К концу 1992 года напряженность в связи с проблемой чеченцев-аккинцев практически спала, чему способствовали шаги властей Дагестана по оказанию содействия аккинцам в восстановлении своих сел (отмена дискриминационных актов, ограничивающих прописку чеченцев в Новолакском районе; выплата компенсаций за утраченные домовладения; решение организационных проблем, связанных с переселением и т.п.). Падение влияния национал-радикалов среди чеченцев-аккинцев связано и с кризисом власти Джохара Дудаева, поддерживающего движения аккинцев (исполком съезда чеченцев Ауха, оргкомитет по восстановлению Ауховского района и др.) в Дагестане.

Проблема чеченцев-аккинцев стала причиной обострения противоречий между лакцами и кумыками, которые связаны с начавшимся в 70-е годы переселением лакцев из горных районов на плоскость, где традиционно проживают кумыки. После постановления III съезда народных депутатов Дагестана о воссоздании Ауховского района была решено отвести пустующие земли в Хасав-Юртовском районе лакцев, решивших покинуть территорию Ауха. Против поселения лакцев в Хасав-Юрте выступили кумыки, но в апреле 1992 года этот спор был урегулирован соглашением между кумыкскими и лакскими национальными организациями.

Напряженность в отношениях между кумыками и аварцами связана не с территориальными проблемами, а с соперничеством национальных элит этих народов за распределение постов в республиканском и районном руководстве. С одной стороны, кумыки считают, что они не получают достаточного представительства в органах власти на общереспубликанском уровне (где доминируют аварцы); с другой стороны, аварцы утверждают, что в Хасав-Юртовском районе все важные посты занимают руководители-кумыки, а аварцы оттеснены от участия в управлении районом. Аварские национальные движения, выступающие за единство и суверенитет Дагестана, весьма болезненно восприняли решения второго (ноябрь 1990 г.) и третьего (январь 1991 г.) съездов кумыкского движения «Тенглик», провозгласивших создание Кумыкской республики⁵³ и избравших национальный парламент — Маджлис.

Кумыкско-аварские отношения особенно обострились в октябре 1991 года, когда активисты движения «Тенглик» блокировали железную дорогу и трассу Ростов-Баку в Хасав-Юртовском районе и организовали забастовки на предприятиях шес-

⁵³ До 1921 года земли кумыков и чеченцев-аккинцев (Хасав-Юртовский округ) входили не в Дагестан, а в Терскую область (наряду с Чечней, Ингушетией, Северной Осетией, Кабардой и Балкарией). См. справку «История горского интегризма».

ти районов Дагестана, требуя сместить с занимаемых постов руководителей правоохранительных органов республики (в основном аварцев по национальности) за разгул преступности и сформировать «правительство народного доверия». В марте 1992 года второй съезд кумыкского народа пошел на определенные уступки по вопросу целостности Республики Дагестан, приняв постановление о создании «кумыкской автономии в составе федеративного Дагестана», однако и это решение вызвало протест как со стороны аварских национальных движений, так и со стороны республиканских властей. Попытка лидеров Маджлиса и движения «Тенглик» провести референдум по вопросу о кумыкской автономии привела к еще большему росту межнациональной напряженности; 20 мая в Махачкале и Кизилпорте было введено ЧП, а прокуратура и министерство юстиции РД поставили вопрос о запрете кумыкского движения «Тенглик» и аварского Народного фронта имени имама Шамиля. В результате переговоров между национальными организациями аварцев и кумыков летом 1992 года обстановка несколько нормализовалась.

Положение на юге Дагестана существенно осложняет проблема единства лезгинского народа, который оказался разорван между Россией (в Дагестане проживает, по официальным данным 205 тысяч, по данным национального движения, 330 тысяч лезгин) и Азербайджаном (174 тысячи или более 180 тысяч лезгин, соответственно). Вопрос о создании единой лезгинской автономии (Республики Лезгистан) был поставлен еще в июле 1990 года на учредительном съезде лезгинского движения «Садвал», однако особую остроту эта проблема приобрела после распада СССР, когда российско-азербайджанская граница приобрела статус межгосударственной и, соответственно, стала утрачивать свою «прозрачность». В феврале 1992 года в Южном Дагестане начались массовые выступления лезгин, достигшие пика в июне-июле 1992 года. Требования дагестанских лезгин поддерживали лезгины и аварцы Азербайджана (в городах Хачмас, Кусары, Куба и др.). Обещания представителей дагестанского и российского руководства о сохранении «прозрачности» границы с Азербайджаном по реке Самур помогли снять остроту проблемы, но каждый раз попытки ужесточения пограничного режима провоцируют массовые протесты лезгинского населения (октябрь 1992 г.)

Проблема национального единства стоит и перед ногойским народом, разделенным между Дагестаном, Чечней и Ставропольским краем. Еще в 1990 года возникла идея создания «Казачье-Ногойской республики», однако этот проект не воспринимался серьезно ни властями, ни соседними народами, ни, по-видимому, самими инициаторами. Действующее на территории компактного проживания ногойцев движение «Бирлик» требует создания единой ногойской автономии, но эта проблема не стоит столь остро (по сравнению с лезгинской), так как границы между ногойскими районами Дагестана, Чечни и Ставрополя продолжают оставаться «прозрачными», а основная масса ногойцев не проявляет политической активности.

Следующая группа межнациональных проблем, существующих на Северном Кавказе, связана с требованиями раздела или разделом двух субъектных республик: Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Чечено-Ингушетии.

В Кабардино-Балкарии переплетаются вопросы о разделе республики и о территориальной реабилитации балкарского народа. Возникшая в 1989 году балкарская национальная организация «Тере» выдвинула требование восстановления балкарских районов КБАССР в границах 1944 года, существовавших до выселения балкарского народа. Одновременно балкарцы, составлявшие меньшинство в Кабардино-Балкарии, выступили за создание балкарской автономии и преобразование КБАССР в федеративную республику, так как, по их мнению, в унитарной республике национальные интересы балкарцев были ущемлены. В марте 1991 года первый Съезд балкарского народа принял резолюцию о восстановлении Балкарии в границах 1944 года, потребовал определения Балкарии как равноправного субъекта Кабардино-Балкарии и избрание двухпалатного парламента с паритетным представительством субъектов. Кабардинский национальный союз «Адыге Хасэ» выступил против федерализации республики, расценивая предложения лидеров «Тере» как шаг к расколу Кабардино-Балкарии (в которой доминировала кабардинская элита). В апреле 1991 года конференция представителей кабардинского народа приняла резолюцию против разделения КБР на двухсубъектную республику и отвергла требование балкарского съезда о восстановлении районов Балкарии в границах 1944 года «как исторически необоснованные».

Осенью 1991 года национальные движения кабардинцев и балкарцев разделились на радикалов и «умеренных». На втором Съезде балкарского народа (ноябрь 1991 г.) победили сторонники радикальной линии, потребовавшие выхода Балкарии из КБР и проведения референдума о государственности балкарского народа. 29 декабря такой референдум, проведенный Национальным советом балкарского народа (НСБН, избран вторым Съездом балкарского народа) в балкарских районах республики, подтвердил стремление основной массы балкарцев создать свою государственность: за провозглашение Республики Балкарии проголосовало около 95% от участвовавших в референдуме или 80,5% от списочного состава. В ответ лидеры национальных кабардинских движений (при участии официального руководства КБР) собрали Съезд кабардинского народа (декабрь 1991 г.), на котором была принята резолюция о восстановлении национальной государственности Кабарды и избран «высший орган власти кабардинцев» — Конгресс кабардинского народа (ККН). С созданием ККН «объединенная» оппозиция (до декабря 1991 года и балкарские, и кабардинские организации выступали единым блоком на выборах, во время путча) распалась, а борьба между оппозицией и официальными структурами власти трансформировалась в межнациональное противостояние.

Второй этап съезда кабардинского народа в январе 1992 года провозгласил Кабардинскую республику в составе РСФСР и поручил «на переходный период» осуществлять руководство президенту и ВС КБР, а также исполкому Конгресса. Касаясь вопроса о территориальном размежевании Кабарды и Балкарии кабардинская сторона признала единственно приемлемыми границы, которые были определены соглашением между Кабардой и пятью горскими (балкарскими) обществами в 1863 году (реализация этого варианта сократила бы территории, административно входившие в балкарские районы до 1944 года, почти в два раза).

Весной 1992 года отношения между кабардинцами и балкарцами все более обострялись, и, несмотря на то, что второй Съезд кабардинского народа (апрель-май) отверг предложение радикалов провозгласить Кабардинскую республику на всей территории КБР, в мае межнациональная напряженность привела к конфликту в Советском районе и принятию решения балкарцами и жителями села Новая Балкария о переселении во внутренние балкарские районы. Верховный Совет республики пытался установить мораторий на национальные съезды и другие мероприятия, дестабилизирующие межнациональные отношения, однако ни кабардинские, ни балкарские организации не подчинились этому решению.

Последняя волна кабардино-балкарского противостояния окончилась «войной резолюций» в июне-июле 1992 года: ККН подтвердил, что считает единственно обоснованной границей между Кабардой и Балкарией границу 1863 года, а НСБН вновь принял решение о необходимости восстановления Балкарской республики в границах балкарских районов 1944 года. Начавшаяся вскоре война в Абхазии и сентябрьские события в Нальчике сгладили остроту кабардино-балкарского конфликта. Кроме того, утверждение Кабардино-Балкарии в качестве единой республики сняло актуальность размежевания Кабарды и Балкарии и, следовательно, вопрос о границах между ними.

Сложное переплетение национально-территориальных проблем возникло в Карачаево-Черкесии. В октябре 1988 года первый Съезд карачаевского народа поставил вопрос о реабилитации карачаевцев⁵⁴. Карачаевская организация «Джамагат» и вскоре возникший Оргкомитет по восстановлению автономии Карачая потребовали создания Карачаевской республики в составе РСФСР в границах Карачаевской АО (1943 год); это требование поддержал учредительный съезд народных депутатов всех уровней, избранных в Карачае (ноябрь 1990 года).

Провозглашение Карачаевской республики вызвало недовольство других народов, проживавших в КЧССР: черкесов, абазин, ногайцев и русских. С начала 1991 года активисты казачьего движения стали говорить о возможности выхода казачьих районов из Карачаево-Черкесии, а 17 августа на территории КЧССР были провозглашены две казачьи республики; Баталпашинская (с центром в г. Черкесске) и Зеленчукско-Урупская. Предполагалось слияние этих республик в Казачью ССР в составе Ставропольского края (казаки Зеленчукско-Урупского района, организационно входящие в состав Кубанской казачьей рады, собирались войти в состав Краснодарского края). В октябре 1991 года съезд черкесов и абазин объявил о создании еще двух республик: Черкесии, в которую в качестве равноправного субъекта должна была входить республика Абаза. Съезд выступил за равное представительство в органах власти Карачаево-Черкесии пяти коренных народов: карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев и казаков.

Дальнейшее обострение межнациональных отношений вызвал «общенациональный митинг карачаевского народа» с требованием создания Карачаевской ре-

⁵⁴ В 1943 году карачаевцы были выселены в Среднюю Азию, а Карачаевская АО упразднена. В 1957 году автономия Карачая была восстановлена в составе Карачаево-Черкесской АО в составе Ставропольского края. В ноябре 1990 года областной Совет народных депутатов КЧАО преобразовал область в Карачаево-Черкесскую ССР.

спублики, организованный в ноябре 1991 года радикальным крылом общества «Джамагат» и руководством местного отделения Исламской партии Возрождения. В декабре чрезвычайный карачаевский съезд создал Общенациональный Совет народов Карачая (ОСНК), которому поручил провести выборы в парламент Карачаевской республики. Одновременно съезд русского и казачьего населения КЧССР высказался за создание Казачьей республики, а III казачий круг в Черкесске провозгласил восстановление Баталпащинского казачьего отдела в границах 1917 года, что вызвало рост противоречий между казаками и черкесами⁵⁵.

Провозглашение сразу пяти республик на территории небольшой Карачаево-Черкесии заставило руководство поставить вопрос о будущем устройстве КЧССР на всенародный референдум. Состоявшийся 28 марта 1992 года референдум подтвердил желание большинства населения сохранить единую республику: из 75% избирателей, принявших участие в опросе, абсолютное большинство (78,6%) высказалось против раскола КЧССР⁵⁶. Вместо создания пяти республик Совет народных депутатов Карачаево-Черкесии высказался за пятисубъектность республики (по числу основных национальных групп — карачаевцев, черкесов, русских, ногайцев, абазин), однако вопрос национального представительства в органах власти до сих пор не решен и может вызвать новое обострение отношений между различными национальными группами в случае ухудшения социально-экономической ситуации в регионе.

Конгресс абазинского и черкесского народов, согласившись с итогами референдума, потребовал введения национальных квот в Верховном Совете республики, который должен был быть избран осенью 1992 года⁵⁷.

Карачаевское национальное движение в это время окончательно раскололось на умеренных, которые признали итоги референдума о единстве Карачаево-Черкесии и пошли на компромисс с властями, и радикалов, объявивших о том, что референдум 28 марта на территории Карачая не состоялся⁵⁸. В апреле 1992 года организованный радикалами Съезд народов Карачая вновь потребовал восстановления карачаевской автономии в границах 1943 года. Когда Совет народных депутатов КЧССР принял решение о проведении выборов в ВС республики, чрезвычайный съезд карачаевского народа в июле объявил бойкот выборов в ВС и ре-

⁵⁵ До 1917 года большинство черкесских земель с г.Черкесском (бывшая станция Баталпащинская) входили в состав Баталпащинского казачьего отдела Кубанской области.

⁵⁶ Причины такого исхода референдума вполне закономерны и связаны не только со спадом митинговой активности населения, но и с реальными итогами административного деления: осенью 1991 года Ставропольский край с целью предотвращения вывоза сельскохозяйственной продукции ввел на дорогах таможенные посты, что привело к росту транспортных расходов при вывозе продуктов питания (и прежде всего помидоров) за пределы республики. Многие мелкие торговцы и перекупщики помидор (на территории Карачая находится одно из крупнейших помидорных хозяйств совхоз «Московский») осознали, что раздел республики может закончиться новыми таможенными и очередным повышением транспортных издержек.

⁵⁷ Лидеры КАЧН настаивали на введении национальных квот в связи с тем, что черкесско-абазинское население составляет меньшинство в КЧР.

⁵⁸ На базе радикального крыла общества «Джамагат» возник «Демократический Джамагат», лидеры которого контролировали Общенациональный совет Карачая.

шил провести выборы в органы власти несуществующей «Карачаевской республики» (примечательно, что почетным гостем этого съезда был президент Чечни Джохар Дудаев, пришедший к власти путем таких же «явочных» выборов). Вероятно, что выступления национал-радикалов за восстановление Карачаевской республики весной — летом 1992 года скорее имели характер политической борьбы, нежели выражали действительное стремление карачаевцев к разделению КЧССР, в которой карачаевская элита занимает ведущее положение.

К осени 1992 года общественно-политическая ситуация в Карачаево-Черкессии несколько стабилизировалась. Власти республики отменили выборы в ВС, а в январе 1993 года Совет народных депутатов объявил себя ВС КЧР. Единство и целостность Карачаево-Черкессии укрепил принятый ВС РФ закон «О преобразовании КЧАО в КЧССР в составе РФ».

Проблема воссоздания **Шапсугского национального района** на западе Северного Кавказа (в районе г. Сочи) была поставлена в декабре 1990 года на I съезде адыгов-шапсугов Причерноморья. Шапсуги, заселявшие междуречье Джубги и Шахе, в период Кавказской войны были практически истреблены: к концу XIX века численность прежде многочисленного народа не достигала и 4 тысяч человек. С 1924 года близ Сочи и Туапсе существовал Шапсугский национальный район, упраздненный в мае 1945 года указом ПВС РСФСР. В начале 60-х годов в школах, расположенных в местах традиционного проживания шапсугов, прекратили изучать шапсугский язык, что, по данным социологического опроса 1989 года, привело к утрате родного языка значительной (около половины) частью молодого поколения шапсугов.

Остановить процесс ассимиляции, по мнению лидеров шапсугского национального движения, могло только воссоздание национального района на территории отдельных поселков Лазоревского и Туапсинского районов Краснодарского края. В Обращении первого Съезда шапсугского народа ко всем жителям Краснодарского края говорится, что воссоздание национального района должно служить «гарантом сохранения шапсугов как этноса». Просьбу съезда шапсугов поддержали национальные движения других адыгских народов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев), общественные и национально-культурные организации Сочи, власти Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Адыгеи и наконец руководители российского парламента Руслан Хасбулатов и Рамазан Абдулатипов. Председатель ВС РФ Хасбулатов дважды официально обращался к главе администрации Краснодарского края Василию Дьяконову с просьбой содействовать созданию Шапсугского национального района, однако избегая возможных требований о создании других национальных автономий в крае, власти Краснодарского края и г. Сочи не поддержали данное предложение. Такая позиция местных властей встретила полную поддержку со стороны остального населения Сочи и Туапсе. Этому способствовали радикальные выступления лидеров Конфедерации горских народов Кавказа с предложениями повторить «чеченский сценарий в Шапсугии» на съезде шапсугского народа (ноябрь 1991 года).

Особая группа межнациональных конфликтов связана с возрождением казачества на Юге России, в первую очередь — на Терекке и Кубани. После русско-

кавказской войны практически во всех северокавказских республиках есть казачьи анклав: Кизлярский район в Дагестане, Шелковской и Наурский в Чечне, Сунженский округ (часть нынешнего Сунженского района) между Чечней и Ингушетией, Моздокский район в Северной Осетии, Прохладнинский и Майский в Кабардино-Балкарии, Баталпашинская и Зеленчукско-Урупская «казачьи республики» в Карачаево-Черкессии. Национальное возрождение горских народов и особенно появившиеся сепаратистские тенденции вызвали резко отрицательную реакцию у части казачьего населения бывших автономий, которая восприняла эти процессы как угрозу своему нормальному существованию, и привели в начале 1990 года к активизации казачьего движения в национальных республиках Северного Кавказа, возникновению «казачьих отделов» как организационных форм этого движения.

На первом этапе возникновение казачьих групп вызвало острую конфронтацию между горским и казачьим населением на Северном Кавказе. Отчасти данное противостояние было связано с противоречиями между «русской» и «национальной» бюрократией автономий. Выступление ряда казачьих организаций в 1991 году с требованиями об отделении казачьих анклавов от национальных республик и включения их в российские территориально-административные образования (Ставропольский, Краснодарский край) не только обострили казачье-горскую конфронтацию, но и создали еще одну группу противоречий — между казаками и национальной бюрократией этих республик. Эти противоречия достигли пика накануне путча в августе 1991 года⁵⁹.

С лета 1992 года наблюдается некоторое ослабление конфронтации между горцами и казаками. Осенью 1992 года Конфедерация горских народов Кавказа выступила с инициативой объединения национальных и казачьих движений в рамках северокавказского интегризма. Несмотря на ряд подписанных соглашений между казаками и горцами весной 1993 года, намеченный на лето Съезд народов Кавказа при паритетном представительстве народов Конфедерации и казаков не состоялся: разноплановость интересов такого союза была использована радикалами обеих сторон.

Другим немаловажным фактором напряженности на Северном Кавказе является проблема «кавказцев» на «русском» Юге России⁶⁰, что приводит к росту напряженности не только из-за трудоизбыточности в регионе, отсутствия жилья, роста криминогенной обстановки в результате неконтролируемой миграции, но и из-за несовпадения систем традиционных ценностей местного и приезжего населения.

⁵⁹ Не случайно часть казачьих лидеров, тесно связанная с «русскоязычной» помешклатурой, выступила в поддержку ГКЧП.

⁶⁰Под «кавказцами» понимаются народы Северного Кавказа и Закавказья.

Российская политика на Северном Кавказе на протяжении последних лет отразила все перипетии противостояния политических элит в Москве: сначала союзных и российских, а затем различных ветвей российской власти.

Отсутствие концепции и стратегии региональной политики привело к тому, что российская внутренняя политика (как и политика в отношении стран экс-СССР) более всего напоминает суперпозицию политик отдельных чиновников и политиков различного ранга, что приводит к непредсказуемым результатам и дестабилизации ситуации в целом.

Что касается Северного Кавказа, в коридорах федеральной власти сегодня сталкиваются несколько подходов. Один из них можно назвать «историческим», поскольку в его основе лежит военный опыт освоения Кавказа в XIX веке. В соответствии с этой концепцией народы Северного Кавказа делятся на исторически лояльные к России (осетины), враждебные (народы Восточного Кавказа — Чечня, Ингушетия, Дагестан) и «неопределенные» (Западный Кавказ — Абхазия, Адыгея, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария), которые занимали различную позицию в отношении России в различные исторические периоды. Для идеологов этого направления характерно превозношение ермоловского этапа⁶¹ русско-кавказской войны (1816-1864 гг.). В качестве основной цели российской политики на Кавказе рассматривается «недопущение объединения горцев в любую наднациональную структуру, неподконтрольную центральным властям России». Основными условиями такой политики являются:

- «ставка на естественных союзников» — христианские страны;
- «целостность и крепость государственной власти в России»;
- «адекватность мер реакции на глубину кавказского кризиса» («Сегодня необходимо признать, что кавказская война для России уже началась... необхо-

⁶¹ Генерал А.Ермолов считается одним из идеологов военной колонизации Кавказа. Ермоловский период кавказской войны продолжался с 1816 по 1827 гг. Ермолов придерживался тактики постепенного захвата территории, укрепления на ней (строительство крепостей, поселков, прорубка дорог); уничтожения непокорного населения и переселения горцев на равнины (в случае отказа — выселение в Турцию); создание казачьих станиц на территориях, заселенных горцами, переселение славянского населения на Кавказ. Княжества, оказавшие наибольшее сопротивление в продвижении русских войск, ликвидировались, однако лояльная местная знать использовалась в аппарате губернатора.

димо вырабатывать адекватную политику по локализации боевых действий и быть готовыми к перерастанию войны в полномасштабную»⁶².

Другой подход базируется на принципе равного партнерства со всеми народами региона. В рамках данного подхода в декабре 1992 года центр «Север-Юг» предложил систему мероприятий по стабилизации ситуации на Северном Кавказе (см. Приложение 1). В рамках этого подхода был подготовлен и доклад «Современная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе и пути ее стабилизации» Межрегиональной комиссии при Совете Безопасности РФ под руководством Владимира Лысенко в конце 1992 года. Существенным отличием этой концепции от наших предложений был принцип взаимоотношений федерального центра с новыми политическими силами региона. Перманентное противостояние различных властей в Москве привело к тому, что принцип поиска компромисса не популярен в верхних эшелонах власти. Этот фактор способствовал появлению принципа «содействия образованию и росту популярности пророссийски ориентированных общественных движений» для преодоления сепаратистских устремлений национальных движений⁶³.

Оба подхода реализуются зачастую одновременно, что усугубляет объективно неоднозначное восприятие проводимой федеральной политики различными народами и порождает обвинения в проведении политики «разделяй и властвуй». Среди объективных причин такого результата — множество противоречий между различными этническими группами, связанных с территориальными претензиями; «разделенность» этнических групп между различными административными образованиями; изменение «статуса» этносов (например, «статус» абхазов изменился от «союзного» до «автономного»).

Российская политика на Северном Кавказе может быть представлена несколькими этапами.

Этап 1: «Латентный период» (1989-1990 гг.)

Этот период характеризуется противостоянием союзного центра и новых республиканских элит, формированием региональных политических движений. Благодаря лозунгу уравнивания в правах всех национально-территориальных субъектов СССР, выдвинутому лидерами «Демократической России», на выборах 1990 года все «неформалы» в автономиях России поддержали новое руководство РФ во главе с Ельциным.

Однако преобразования постсоветского пространства привели к размежеванию различных политических сил, и прежде всего по отношению к российскому федеральному центру: если для демократических движений в автономиях была характерна поддержка нового руководства России, то позиция национальных обществ и партий колебалась в зависимости от политической ситуации (и прежде всего в зависимости от колебаний российских демократов между принципом «берите столько суверенитета, сколько проглотите» и идеей «неделимости и единства России»).

⁶² Конфиденциальный доклад по данному вопросу, разработанный весной 1993 года, был впоследствии напечатан в газете «Кто есть кто в современном мире», №6, 1993 г.

⁶³ «Юйге игилик» (Мир дому твоему) в №16 за 1993 год.

На первом этапе перипетии «парада суверенитетов» во многом явились отражением борьбы между Горбачевым и Ельциным⁶⁴, однако со временем идея национально-государственного суверенитета достаточно прочно утвердилась в республиках региона. Характерно, что на первом этапе противостояния союзного Центра и «демократического российского руководства» в большинстве российских автономий партийная и хозяйственная элита обвиняла национальные движения в «сепаратизме». Перехват национальных лозунгов старой номенклатурой — от идеи суверенитета до территориальных претензий — произошел после выборов 1990 года и изменения баланса сил в российском парламенте и ряде местных советов.

Национальная бюрократия, довольно гибко рассматривавшая проблему суверенитета в обстановке противостояния союзного Центра и союзных республик («кто осилит, с тем и будем»), решила использовать идею республиканского суверенитета как гарант незаблемости своих позиций, когда Ельцин в качестве президента начал «обустраивать Россию». В это время были приняты Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии (ноябрь 1990), Кабардино-Балкарии (январь 1991), Дагестана (май 1991) и др. Подобный меркантилизм отчасти сохранился и после распада Союза: прежде всего он проявляется в постоянной торговле республиканской бюрократии с федеральным центром по поводу субсидий, республиканского статуса и т.п. (Характерно, что против уравнивания в правах республик и областей в РФ в первую очередь выступают официальные национальные элиты, в то время как национально-демократические пересматривают свою позицию по данному вопросу: например, по данным опроса НеГРИОМ (Нальчик) 27 февраля 1993 года 126 представителей 66 организаций Северного Кавказа, на вопрос о необходимости уравнивания в правах республик и областей положительно ответили 55% опрошенных представителей национальных организаций.)

За рамки декларативного «суверенитета в составе Федерации» на Северном Кавказе вышла только Чеченская республика, руководство которой постоянно подчеркивает свою антироссийскую ориентацию. Однако даже Грозный

⁶⁴ Игра Центра в лице Горбачева с суверенизацией автономных республик была довольно понятна с самого начала — попытка противопоставить «демократическим претензиям российского парламента», избравшего своим лидером опального партийца Ельцина, сильную оппозицию в лице депутатов от автономий и сильных сепартистов России, но не Союза (за счет выдвижения негласного принципа подписания автономными Союзного договора). Не случайно первой о своем суверенитете заявила Карелия (в конце июля 1990 года), девятью процентам депутатов ВС которой, по образному выражению сопредседателя Народного фронта Карелии Суло Нокелайнена, — «родом из обкома». Коллеблющаяся позиция Горбачева в вопросе подписания Союзного договора всеми народами СССР и неприкрытый шаггаж союзных республик «суверенизацией» автономий стали главной причиной охлаждения автономий (особенно на уровне национально-демократических движений) к самому союзному руководству в начале 1991 года. Впрочем, политический антипод Горбачева — Борис Ельцин повторил те же ошибки (по на другом уровне — пренебрежение правами территориально-административных образований в России), а колебания между двумя полярными принципами — «берите столько суверенитета, сколько можете» и идеей «единой и неделимой России» — обеспечили дальнейшее падение престижа Москвы как федерального центра.

признает необходимость нормализации отношений (и не только экономических) с Россией.

Этап 2: Стохастический период (1991 – 1992 гг.)

Начало активной российской политики в регионе связано с поездкой Бориса Ельцина в марте 1991 года на Кавказ для подписания соглашения по мирному урегулированию осетино-грузинского конфликта. Этот шаг следует также рассматривать в рамках противостояния российского и союзного центра: Ельцин решил продемонстрировать способность новой российской элиты «разрубить гордиев узел» двухлетней войны. Именно поэтому основные итоги данной поездки способствовали лишь эскалации напряженности в регионе. Во-первых, подписание договора по Южной Осетии фактически означало, что российское руководство признает упразднение правительством Гамсахурдиа автономного статуса области. Во-вторых, выступления Ельцина во Владикавказе (столица Северной Осетии) и Назрани (центр Ингушетии) способствовали эскалации осетино-ингушского конфликта из-за Пригородного района, который после депортации ингушей в 1944 был передан Северной Осетии.

Принятие в апреле Закона о репрессированных народах обострило не только осетино-ингушский конфликт, но и поставило вопрос о разделе Кабардино-Балкарии, где после выселения балкарцев было изменено административное деление автономии, и Карачаево-Черкесии, до 1943 года существовавших как самостоятельные субъекты РСФСР, а так же спровоцировало цепочку межэтнических противоречий в Дагестане, вызванную требованием чеченцев-аккинцев восстановить Ауховский район в границах 1944 года.

В свою очередь, обострение межэтнических противоречий горских народов, радикализация требований национальных движений и «суверенизация» автономий привели к обострению отношений между горцами и казаками, выдвинувшими требование создания или «восстановления» казачьих республик: Зеленчукско-Урупской и Баталпашинской в Карачаево-Черкесии, Области войска Донского, Сунженского казачьего округа. Чуть позже появились и требования восстановления довоенных административных границ.

Введение моратория на пересмотр внутривосточных границ в июне 1992 года фактически не повлияло на развитие межэтнических кризисов, но способствовало снижению рейтинга Москвы в глазах репрессированных народов. (Об этом свидетельствовали и результаты референдума о доверии президенту в апреле 1993 года: в Ингушетии за Ельцина проголосовало 2,4%, в Дагестане — 14%, в Карачаево-Черкесии — 26%).

Исключительно важным для развития политической ситуации в регионе стала реакция Москвы на «чеченскую революцию» после августовского путча (1991). Несмотря на молчаливое поощрение требований отставки ВС Чечено-Ингушетии со стороны оппозиции, российскому руководству не удалось взять под контроль результаты «чеченской революции». Попытки Руслана Хасбулатова сформировать органы власти переходного периода из членов ВС, российских депутатов и различных партий (Временный высший совет) закончились провалом после того, как ОКЧН, уязвленный ролью статиста, сумел провести выборы 27 октября и принять Закон о государственном суверенитете Чеченской республики (2 ноября). Последовавшие затем попытки силового решения

конфликта со стороны Москвы (введение Указом Ельцина чрезвычайного положения 9 ноября и неудачная попытка ввода войск в Чечню) способствовали росту авторитета Дудаева как лидера «чеченской революции» и Кавказа в целом: Дудаева поддержал съезд Ассамблеи горских народов Кавказа, прошедший 1-2 ноября в Грозном под лозунгом противодействия «имперским силам России». Под влиянием этих событий ВС России отменил Указ президента, а в конце декабря начались переговоры между делегациями России и Чечни.

Непоследовательная и жесткая позиция России во время «чеченской революции» способствовала обособлению национальных движений Кавказа от Москвы и провозглашения курса на создание Конфедерации горских народов Кавказа. Именно в этот период создаются псевдогосударственные структуры КГНК — «парламент», институт президентства, вооруженные формирования. Переход от Ассамблеи движений к представительству народов в Конфедерации был осуществлен по «чеченскому варианту», где еще в ноябре 1990 года был создан Национальный съезд чеченского народа, позже переименованный в ОКЧН.

Следующим шагом российской политики в регионе стал Закон об образовании Ингушской республики в составе РФ (4 июня 1992 года), без определения границ и даже территориального ядра Ингушетии. Этот Закон способствовал обострению территориальных споров между Чечней и Ингушетией по поводу Сунженского района. А конфликт между ингушами и осетинами из-за Пригородного района завершился вооруженными столкновениями 31 октября — 4 ноября 1992 года. Последовавшая затем «этническая чистка» Пригородного района при участии российских войск вызвала обвинения в адрес Москвы в продолжении колониаторской политики со стороны вайнахских национальных движений, и способствовала дальнейшему снижению рейтинга российского руководства на Кавказе.

Абхазо-грузинская война, начавшаяся 14 августа 1992 года, вынудила российское руководство к активным действиям в регионе. Первоначально выжидательная позиция российского руководства, ограничившегося 18 августа заявлением МИДа РФ о «недопущении попыток вмешательства во внутренние дела Грузии», привела к активизации национальных движений Кавказа и созданию прообразов национальных гвардий горских народов для защиты «братского абхазского народа». Конфликт принял общерегиональный характер.

Предпринимаемые переговорные усилия официальных лидеров северокавказских республик Россия попыталась взять под свой контроль: 3 сентября в Москве было подписано соглашение о прекращении боевых действий в Абхазии, в котором, однако, не оговаривалось федеративное устройство Грузии. Одновременно Москва перешла к репрессивным мерам в отношении КГНК: было возбуждено уголовное дело в отношении КГНК и арестован ее президент, для «предотвращения возможных конфликтов в регионе» на Северный Кавказ введены спецподразделения внутренних войск России.

Характер соглашения с Грузией о прекращении войны в Абхазии и репрессии на Северном Кавказе привели к прямо противоположному результату: война в Абхазии длилась больше года, а репрессии на Кавказе привели к многотысячным митингам в Нальчике с требованием выхода Кабарды из России.

Снять напряженность в этой республике, национальные движения которой всегда выступали за прочный союз с Россией, помогло освобождение Шанибова и принятие Верховным Советом РФ постановления «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» (25 сентября), в котором осуждалось силовое решение конфликта со стороны Грузии и была приостановлена передача Грузии вооружений.

Результат первых двух этапов

Непоследовательная политика России на Кавказе в значительной мере способствовала дестабилизации ситуации не только в регионе, но и в целом в России. Назовем лишь некоторые итоги такой политики на Кавказе:

- рост напряженности в регионе между различными этносами из-за спорных территорий после принятия Закона о репрессированных народах;
- создание прецедента изменения границ и деления республик после принятия Закона об образовании Ингушской республики;
- обострение конфликтов на Северном Кавказе и в Закавказье привели к массовому оттоку населения, обострению социально-экономических проблем на Кавказе как из-за потоков беженцев, так из-за отъезда русскоязычных специалистов;
- формирование национальных вооруженных группировок и потоков оружия из-за непоследовательной позиции в отношении закавказских войн, а также в конфликтах на Кавказе;
- снижение рейтинга Москвы среди политических элит автономий.

Следует отметить и еще один аспект второго этапа российской политики на Кавказе. Осенью 1991 года российское руководство сделало ставку на создание альтернативных КГНК организаций: например, осенью 1991 года по инициативе председателя палаты национальностей ВС РФ Рамазана Абдулатипова была создана Ассоциация народов Кавказа. АНК не справилась с ролью «противовеса КГНК», однако ее создание повлияло на радикализацию КГНК и ее обособлению от российских властей. Данная практика российского руководства была продолжена и в дальнейшем, что в значительной мере снизило успех стабилизационных мероприятий третьего этапа.

Этап 3: Попытки стабилизации (первая половина 1993 г.)

В начале 1993 года российское руководство попыталось выработать единую политику на Северном Кавказе.

Первым шагом по стабилизации ситуации в регионе стало проведение «круглого стола» различных политических сил региона в Пятигорске 14-16 января по инициативе федеральных властей. Однако «Декларацию о принципах межнациональных отношений на Северном Кавказе» не подписали лидеры Конфедерации горских народов Кавказа и наиболее влиятельных национальных движений, поскольку большинство делегатов форума представляли малочисленные или несуществующие организации демократической ориентации. И сформированный на встрече Северокавказский демократический конгресс так и не сумел стать «демократическим противовесом КГНК», хотя и претендовал поначалу на эту роль.

Тем не менее пятигорская встреча сыграла довольно важную роль в активизации региональных связей, в том числе и в работе Северокавказской экономи-

ческой Ассоциации. «Круглые столы» между федеральной властью (в лице Госкомитета по делам федерации и ВС РФ), местными элитами и новыми политическими лидерами стали довольно регулярными в первой половине 1993 года. Данная форма работы способствовала и поиску компромисса между местными элитами и оппозиционными национальными движениями: практически во всех республиках при парламентах были созданы Консультативные советы с участием всех политических партий.

Конституционный кризис в Москве обеспечил перерыв активной российской политики на Кавказе. Однако ее будущее предсказуемо. Непоследовательность российской политики в полиэтническом, раздираемом внутренними противоречиями регионе привела к тому, что российское руководство вряд ли сможет разрешить большинство конфликтов в ближайшем времени. Для военного решения конфликтов у российского руководства просто нет средств и сил. Политическое решение конфликтов, требующее времени и согласования интересов, маловероятно в условиях постоянной смены приоритетов российской внешней политики в «ближнем зарубежье», перманентного противостояния федеральных властей в Москве, что предопределяет продолжение практики покупки лояльности регионов при разрубании очередного «гордиева узла» внутрироссийских противоречий.

Основные положения данного доклада центра «Север — Юг» были использованы в качестве рекомендаций российскому руководству для стабилизации ситуации на Северном Кавказе в декабре 1992 года. Предложенная схема рассматривала решение кавказских кризисов с учетом реального состояния взаимоотношений субъектов федерации и новых политических элит.

МЕРЫ ПО СТАБИЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В настоящий момент у России есть три варианта политики на Северном Кавказе. Первый: Россия «уходит» с Кавказа и в короткие сроки устанавливает границы с республиками. Таким образом, нам не придется решать архисложные проблемы территориальных претензий, бесконечных конфликтов (национального и социального характера) и др. Однако вопрос состоит в том, насколько быстро мы сможем установить границы, чтобы предотвратить мощное влияние ливанизированного Кавказа на «русский» Юг России как в форме потока беженцев, так и в форме терроризма и открытых межнациональных конфликтов от Ставрополя до Поволжья, что в свою очередь ставит на повестку дня вопрос о последнем «хлебном резерве» России, о возможной потере последнего выхода РФ (после отделения Украины) — Новороссийска — к «теплым» морям. Однако уход с Кавказа — это не только огромные затраты на установление границ, но и резкое падение влияния РФ на Востоке и в Азии. Данная проблема особенно актуальна в условиях роста неотюркизма и появления новых центров регионального влияния не только в дальнем (Турция, Иран), но и в ближнем зарубежье (Казахстан).

Второй вариант: нынешняя политика России как продолжение политики «разделяй и властвуй» объективно способствует реализации итогов первого варианта, только со стороны республик Кавказа. Данная политика потребует огромных затрат на локализацию конфликтов, решение проблем беженцев и др. На восстановление нормального цикла жизнеобеспечения в районах конфликтов у руководства РФ не останется ни сил, ни средств, что будет способствовать радикализации национальных движений и смене власти в северокавказских республиках.

Остается третий вариант: Россия пытается стабилизировать ситуацию на

Кавказе и проводит политику наращивания влияния в Закавказском и Азиатском регионах. Этот вариант также потребует определенных затрат, однако их величина не сравнима с затратами (материальными, техническими, людскими) двух первых вариантов, а потому реализация его первого этапа заслуживает более детального рассмотрения.

1. Основной принцип функционирования Федерации

Российская политика на Северном Кавказе должна базироваться на принципе равного партнерства со всеми народами России и на соблюдении провозглашенного в 1989 году принципа права народа на политическое самоопределение. Политика «разделяй и властвуй» (предоставление льгот одним и подавление других) отнюдь не способствует единству Федерации. Поскольку трансформация Российской Федерации в конфедеративное государство представляется неизбежной при сохранении существующих тенденций, российское руководство должно предпринимать «упреждающие шаги» для сохранения собственного влияния.

Первым шагом в этом направлении стало создание Совета республик, однако данный шаг может иметь самые негативные последствия для РФ: в виде активизации областного сепаратизма. Наиболее оптимальным (и более гибким) на данном этапе представляется воссоздание Совета Федерации, в который могли бы войти главы администраций (или местных советов) регионов (республик, областей, краев). При соответствующих установках СФ в его работе могли бы принять участие и Чечня и Татарстан, поскольку членство в СФ не противоречит современному курсу на политическую «независимость» республик при сохранении общего военного и экономического пространства. Функции такого органа могут быть самые разнообразные: от адаптации экономических реформ до принятия обоснованных федеральных программ. Полномочия и функции СФ требуют детализации, однако на первом этапе СФ может выполнять функции согласительной комиссии, позволяющей:

- обобщать проблемы регионов в оперативном режиме и способствовать выработке согласованной позиции по любым вопросам внутренней и внешней политики;

- использовать региональный научный потенциал для разработки региональных программ перехода к рынку, согласованных с федеральной программой макростабилизации;

- обеспечить поддержку реформ в регионах.

Кроме того, такой шаг позволит с наибольшей эффективностью (на уровне глав местной администрации) организовать «кампанию бойкота» отдельных регионов, требующих особых экономических льгот или проводящих политику закрытия внутренних рынков. Это особенно важно на этапе, когда не отработан механизм разрешения конфликтов через Конституционный суд между федеральной властью и территориями в условиях правовой неопределенности этих взаимоотношений.

2. Северный Кавказ: от ассамблеи движений до конфедерации народов

Наряду с повышением роли республиканских и областных лидеров на федеральном уровне, для стабилизации их положения внутри республик и одновременно для сохранения контроля в регионах в случае смены власти необходимо

наладить переговорный и консультативный процесс с лидерами национально-демократической оппозиции по вопросам, затрагивающим условия функционирования и существования Российской Федерации. Формой работы на российском уровне могут стать периодически проводимые «круглые столы» с участием специалистов. Подобная работа на Кавказе позволит решить следующие задачи: активизировать «пророссийские настроения» среди лидеров национальных движений Кавказа; использовать интеллектуальный потенциал Конфедерации народов Кавказа (КНК) для формирования принципов российской национальной политики; способствовать наиболее полной реализации миротворческого потенциала КНК, и практически ликвидировать вероятность конфликтных ситуаций (Конфедерация может и должна выполнять роль третейского судьи в пограничных конфликтах); снизить влияние радикальных лидеров в КНК и на Кавказе в целом; сохранить российское влияние вне зависимости от режимов власти, смена которых весьма вероятна в нынешних экономических и политических условиях; существенно снизить поток мигрантов с Кавказа.

3. Кавказ — особый экономический район

Экономический спад в условиях перенаселенности и полиэтничности требует разработки особой экономической стратегии с учетом местных особенностей. На сегодняшний день необходимо, по-видимому, отказаться от проведения земельной реформы на Северном Кавказе — до разработки концепции классификации земель, подлежащих приватизации (в основу такой концепции может быть положен экологический принцип, как это уже сделано в Казахстане). Социальная напряженность, связанная с перенаселенностью и безработицей, требует переориентации производства — необходимо развитие традиционных и ручных производств. Необходимо также проведение рекультивационных работ по восстановлению экологического баланса в регионе. Четкие обязательства российского руководства по оказанию всесторонней помощи для модернизации экономики и федеральное финансирование конкретных программ (а не выделение очередных подачек той или иной республике) способно в значительной мере усилить позиции Москвы на Кавказе.

4. Религиозный фактор

В условиях поликонфессиональности РФ необходимо сбалансированное представление эфирного времени, репортажей газет представителям всех религий, а также встречам религиозных деятелей всех конфессий с высшим руководством страны. Такая работа тем более необходима сегодня — после попыток российского руководства использовать православие в качестве новой идеологии российского общества. Необходимо поддержать идею создания Религиозного совета на Кавказе, созданную на конференции Кавказский Дом в Грозном (октябрь 1992). Однако российское руководство должно вместе с лидерами северокавказских республик выступить с инициативой включения в его состав представителей всех религий. Такой Совет мог бы способствовать выработке принципов мирного существования и играть посредническую роль в конфликтах на Кавказе.

5. Военный фактор

Необходим вывод дополнительных подразделений всех видов вооруженных сил — брацание оружием не является аргументом, способным решить ка-

кие-либо проблемы на Кавказе. Данный тезис не относится к открытым конфликтам на Кавказе, и прежде всего осетино-ингушскому. Однако по мере нормализации отношений российского руководства и лидеров северокавказских республик с Конфедерацией (куда входят и осетины, и ингуши), ситуация в Пригородном районе должна перейти под контроль миротворческих батальонов КНК.

Миротворческие батальоны КНК были созданы как реакция на выжидательную позицию России в абхазо-грузинском конфликте. Сегодня факт существования вооруженных формирований требует признания: во-первых, их разоружение — невыполнимая задача, во-вторых, эти люди — герои Кавказа, и репрессивные меры по отношению к ним будут лишь способствовать потере авторитета лидеров любого ранга. После окончания боевых действий в Абхазии целесообразно придать статус миротворческих национальным батальонам горских народов (возможно, уровня СНГ) наравне с казаками. Причем подобный шаг решает проблему вооруженных формирований на Кавказе (горских, казачьих) наиболее приемлемым способом: использование оружия в корыстных или разбойных целях станет предметом работы военной прокуратуры, а не политическим вопросом.

6. Право на жизнь

Одним из основных принципов внешней политики РФ должен стать принцип защиты прав человека, и прежде всего права на жизнь, вне зависимости от национальности. В связи с этим предлагается проведение жесткой политики экономических санкций к государствам, решающим политические проблемы военным путем. Следует понять, что миграция русскоязычного населения из этих государств — неизбежный процесс: нужно решать проблемы беженцев и вывода армии, а не «задабривать» национальные правительства в надежде на приостановку миграционного процесса. Кроме того, российская помощь «православной» Грузии в надежде сохранить влияние в Закавказье сегодня не имеет поддержки в самой Грузии: согласно данным летнего опроса Центра социального управления КМ Грузии лидеров политических партий, 96% опрошенных выступают за развитие внешних связей с США, 92% — с Германией, 29% — с Россией. Причем, война в Абхазии лишь усугубила разрыв.

7. Россия — федерация народов

Немаловажным фактором российской внешней политики должен стать принцип самоопределения нации при условии сохранения всех существующих границ, что подразумевает поддержку стремления со стороны национальных меньшинств к созданию федеративных государств. Россия обязана выступить с инициативой создания Международного суда, призванного в каждом конкретном случае рассмотреть и решить проблему противоречия между принципом территориальной целостности и правом нации на самоопределение, а также стать гарантом (в том числе и военным) сохранения существующих границ и национальных образований в новых федерациях. Данный шаг актуален сегодня для всего постсоветского пространства, где границы и народы стали заложниками политической интриги коммунистического правления.

Именно российское руководство, выступавшее — вслед за Сахаровым — за уравнивание в правах всех субъектов СССР, сегодня должно продолжить дан-

ную линию для стабилизации положения в федерации — малые народы должны почувствовать, что Россия — гарант их выживания. Причем, российское законодательство должно быть приведено в соответствие с мировыми нормами: недопустимо создание новых «статусных» наций, наделенных льготами. Последнее обстоятельство способствует использованию лозунгов национального возрождения коррумпированными структурами и нарастанию конфронтации в обществе.

Большинство межэтнических конфликтов в бывшем Союзе (и в мире) связано с противоречивостью двух основополагающих принципов мирового сообщества — принципа неизменности границ и права нации на самоопределение. Разрешение данного противоречия — задача человечества, если оно пытается перейти в третье тысячелетие. Ответственность перед историей многонациональной России просто обязывает нас сформулировать собственную концепцию в данном вопросе.

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ИНТЕГРИЗМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Общее происхождение, компактная территория расселения, общность исторических судеб, близость культур, обычаев, религии, идентичность национальных проблем стали причиной возникновения «горского интегризма» — движения за объединение горцев Северного Кавказа в федеративный (конфедеративный) союз.

Корни общегорской государственности можно найти как в далеком прошлом Кавказа (Аланский государственно-племенной союз в начале нашей эры), так и в недавних, по историческим масштабам, событиях Кавказской войны (государственные образования шейха Мансура и имама Шамиля в конце XVIII — середине XIX вв.). Однако как идеология горский интегризм возник только в начале XX века, когда сформировавшаяся национальная интеллигенция заявила о себе как о политической силе. Первыми идеологами и проповедниками интегризма стали депутаты Государственной думы Российской империи Таштемир Эльдарханов (чеченец), Магомет Далгат (дагестанец), Ибрагимбек Гайдаров (дагестанец), видный деятель РСДРП Ахмед Цаликов (осетин), крупный чиновник министерства земледелия Вассан-Гирей Джабагиев (ингуш) и другие представители горской интеллигенции, основавшие в Санкт-Петербурге Комитет горцев Северного Кавказа под лозунгом решения общих национально-культурных проблем. Однако в условиях дореволюционной России не могла быть реализована даже идея национально-культурной автономии.

Лишь после Февральской революции народы российских колоний получили возможность национально-государственного развития. Характерно, что на Северном Кавказе интегристский Временный Центральный комитет объединенных горцев (во Владикавказе) возник раньше отдельных национальных комитетов.

В мае 1917 года Первый съезд горских народов Кавказа фактически утвердил интегризм в качестве идеологической основы общенационального движения, которое было организовано тем же съездом в форме «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана». Основной задачей союза, в соответствии с утвержденной на Первом съезде политической программой и платформой движения, было «сплочение горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, проведения в жизнь демократических начал

и защиты общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных интересов». Интегризм «Союза объединенных горцев» неотделим от его федерализма (стремление к федерализации России), так как целью движения было создание горской национально-территориальной автономии в составе будущей Российской Демократической Федеративной Республики.

В течение мая — ноября 1917 года «Союз объединенных горцев» действовал в качестве общенационального интеграционного движения, одновременно играя роль основного законодательного и координирующего органа власти в национальных районах Кавказа, в первую очередь в Дагестане и горских округах Терека (Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабарда, Балкария, Кумыкия и Аух). Функция союза как органа общенационального самоуправления выражалась в том, что горские съезды утверждали форму национального самоопределения, структуру местной администрации, рассматривали основные вопросы внутренней жизни горских народов, а Центральный Комитет союза руководил и координировал деятельность местных органов власти, утверждал и принимал отставку руководителей национальных комитетов и комиссариатов, представлял интересы горских народов в официальных органах центральной и областной власти, выступал посредником в разрешении межнациональных конфликтов и т.п.

«Союз объединенных горцев» в своей деятельности опирался на обширную систему национальных (областных, окружных) комитетов и комиссариатов, достаточно автономных в решении задач местной жизни и имевших свою внутреннюю структуру (участковые и сельские органы власти).

Общерегionalные проблемы, для решения которых требовалась координация деятельности всех органов власти и самоуправления, а также стремление местной элиты оградить регион от нарастающих в центре страны анархии и революционного радикализма стали причиной возникновения на Северном Кавказе межнационального регионального интегризма. Его первым выражением был «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», провозглашенный лидерами казаков Дона, Кубани, Терека, Астрахани и руководством «Союза объединенных горцев» на конференции во Владикавказе 20 октября 1917 года. Договор о создании союза предусматривал формирование конфедерации автономных (самоуправляющихся) национально-территориальных единиц для решения региональных проблем и политического блока казачьей и горской элит для противодействия анархии и радикализму. Хотя «Юго-Восточный Союз» практически не был создан из-за Октябрьского переворота и начавшейся вскоре межнациональной войны на Терекe, однако популярность этой идеи (намерение присоединиться к союзу позже выражали казаки Урала и Оренбурга, Азербайджан, Казахстан и даже Украина) свидетельствует о сильных интегривских тенденциях на Юге России в этот период.

Другой инициативой, выразившей интегривские настроения горцев и казаков, являлось Временное Терско-Дагестанское правительство, созданное 1 декабря 1917 года во Владикавказе лидерами Терского казачьего войска, «Союза объединенных горцев» (ЦК которого в то же время было преобразовано в «горское правительство») и Союза городов Терско-Дагестанского края (обществен-

но-политическая организация городских имущих слоев прокадетского толка). В рамках Терско-Дагестанского правительства предполагалось решать проблемы, возникающие перед всеми народами края в условиях безвластия, угрозы анархии, обострения криминальной ситуации и межнациональных отношений. Для этого органы самоуправления казаков, горцев и общественное городское самоуправление делегировали часть своих полномочий коалиционному органу власти, сохраняя при этом внутреннюю самостоятельность. (Органы власти Дагестана не признавали полномочия Терско-Дагестанского правительства; на Тереке ряд городов и округов также не подчинялись этому правительству.)

Временное Терско-Дагестанское правительство просуществовало менее 1,5 месяца, пытаясь остановить межнациональную войну на Тереке, и распалось в разгар этой войны. Вместе с Терско-Дагестанским правительством распалось и «горское правительство» (преемник ЦК «Союза объединенных горцев»), не справившееся с решением социальных проблем (в первую очередь аграрной проблемы) и утратившее доверие горских масс.

Наиболее известным примером горского интегризма является Республика Союза горцев Кавказа (более известная как «Горская республика»), которая была провозглашена группой бывших лидеров «Союза объединенных горцев» на конференции в Батуми в мае 1918 года. В Декларации об объявлении независимости Горской республики указывалось, что в это государство, создаваемое под эгидой Турции, войдут Дагестанская, Терская, Кубанская области и Ставропольская и Черноморская губернии (видимо, подразумевалось включение в Горскую республику только горских округов Терека, Кубани, Ставрополя и Черноморья). Однако на деле Горская республика существовала только на части территории Дагестана с сентября — октября 1918 года по май 1919 года. После того как Добровольческая армия генерала Деникина оккупировала Дагестан, руководители Горской республики выехали в Тбилиси, а после захвата Грузии Красной армией эмигрировали в Турцию, Польшу, Францию, Чехословакию и др. страны.

Гораздо хуже известна история Терской Народной республики, хотя интегристский опыт этого государственного образования не менее интересен, чем опыт Горской республики. Терская Народная республика (ТНР) возникла в марте 1918 года на Втором съезде народов Терека, который положил конец межнациональной войне и утвердил основные принципы формирования государственных институтов на Тереке. Субъектами этой республики являлись Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабарда, Балкария, территории терских казаков (Сунженский, Кизлярский, Пятигорский и Моздокский отделы), а также города бывшей Терской области (Владикавказ, Грозный, Нальчик и др.); все субъекты сохраняли самоуправление и самостоятельность во внутренних делах. Структура власти ТНР опиралась на органы общественного самоуправления, которые формировались в соответствии с местными традициями и условиями. В горских округах в качестве органов власти действовали национальные комитеты (советы), в казачьих отделах — отделские исполкомы или казачье-крестьянские советы, в городах — советы рабочих и солдатских депутатов или городские думы.

Высшим органом власти Терской Народной республики являлся общена-

циональный съезд народов Терека, который формировался из делегаций субъектов ТНР, а также представителей «национальных меньшинств» (грузин, армян, евреев, татар и др.), влиятельных партий и общественных организаций (эсеров, большевиков, меньшевиков, различных профсоюзов и др.). Участники съезда решали общереспубликанские проблемы, утверждали законодательные акты, определяли принципы политического и экономического развития ТНР, рассматривали другие вопросы. На съезде формировались и коалиционные органы власти: Терский Народный Совет (представительный орган) и Терский Совет комиссаров (исполнительный орган), в которых были представлены все основные группы населения Терека. Общереспубликанские органы власти в основном обладали координирующими и контролирующими функциями и не вмешивались во внутренние дела субъектов ТНР.

В состав республиканских органов власти входили представители самых различных политических партий, организаций и течений от большевиков и левых эсеров до представителей проденикинской «казахье-крестьянской фракции» Георгия Бичерахова. Во главе ТНР стояли в основном левые социалисты: главой Терского Народного Совета избирались меньшевик Евгений Богданов, левый эсер Юрий Пашковский, мусульманский социалист Ахмед Цаликов, председателем Совета комиссаров был большевик Ной Буачидзе и т.д.

— Разумеется, нельзя сказать, что Терская Народная республика не испытывала проблем, связанных с межнациональными или социальными противоречиями (о существовании которых, в частности, свидетельствует восстание казаков во главе с Георгием Бичераховым летом — осенью 1918 года), однако при помощи достаточно гибкой и устойчивой системы общественного самоуправления руководству ТНР удавалось решать большинство этих проблем и снимать напряженность в обществе.

Особенно интересен опыт разрешения пограничных споров между субъектами республики. В условиях национальной чересполосицы принадлежность той или иной территории определялась путем «местного самоуправления» сел, станиц и аулов: на территории одного участка (района) горские аулы могли подчиняться национальному комитету, казахьи станицы — отдельному исполкому, а села русских и других «иногородних» поселенцев — городским органам общественного самоуправления. Общие проблемы жителей участка решались на основе согласия представителей всех сторон; в особо серьезных случаях стороны могли созвать участковый съезд и пригласить представителей «центра» в качестве посредников. Такой способ решения (и даже предупреждения) пограничных споров на практике Терской Народной республики показал свою эффективность. Другой принцип определения границ (например, принцип территориальной целостности или экономической целесообразности) неизбежно вызвал бы многочисленные столкновения и конфликты между субъектами ТНР, что могло привести к распаду республики.

Терская Народная республика просуществовала около года, с марта 1918 по февраль 1919 г., и была уничтожена в результате оккупации территории Северного Кавказа Добровольческой армией Деникина.

«ЧЕЧЕНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ИСТОКИ, ХАРАКТЕР, РЕЗУЛЬТАТЫ

Свержение номенклатурного правительства председателя Верховного Совета Чечено-Ингушетии Доку Завгаева и приход к власти в Грозном радикальных националистов во главе с генералом Джохаром Дудаевым осенью 1991 года, получивший название «чеченская революция», серьезно повлиял на расстановку сил на Кавказе; до сих пор независимая Чечня является существенным фактором общественно-политической жизни России и ее «ближнего зарубежья».

Истоки «чеченской революции» многие исследователи склонны искать в прошлом, в многолетней борьбе чеченцев против российского колониализма на Кавказе. Действительно, с конца XVIII века Чечня стала, по сути дела, оплотом антиколониальной борьбы горских народов Северного Кавказа (движение шейха Мансура в конце XVIII века, имамат Шамиля в первой половине-середине XIX века, абречество конца XIX-начала XX вв., эмират Узун-Хаджи в период гражданской войны, антибольшевистские восстания 30-х и начала 40-х годов, повстанческая партизанская борьба второй половины 40-х годов). Однако признавая влияние традиций борьбы за национальное освобождение на современную политическую ситуацию в Чечне, нельзя не отметить, что главной причиной «чеченской революции» является пауперизация основной массы сельского населения Чечено-Ингушетии.

Непропорциональное развитие хозяйственной инфраструктуры Чечено-Ингушской АССР в течении десятилетий превратило сельские районы республики в аграрный придаток гигантской нефтедобывающей и нефтехимической промышленности Грозного. В селах Чечено-Ингушетии, всегда страдавших от малоземелья, появились десятки тысяч безработных — так называемое «избыточное сельское население». Кадровая политика республиканских властей и руководства нефтепромышленного комплекса, поощрявших приток в ЧИАССР квалифицированной рабочей силы из центральных регионов России и не создававших условий для привлечения чеченцев и ингушей в нефтяную промышленность (и даже, фактически, препятствовавших этому), еще более усугубляла ситуацию в республике.

К середине 80-х годов безработица в ЧИАССР стала уже хронической; каждое лето десятки тысяч сельчан выезжали за пределы республики «на заработки». В 1989 году новый первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Доку

Завгаев призвал покончить с унижительным экспортом «трудовых ресурсов» и обещал создать рабочие места за счет расширения строительства и развития пищевой промышленности в провинции. Эти обещания так и остались невыполненными, в результате чего к августу 1991 года количество «избыточного сельского населения» в Чечено-Ингушетии превысило 100 тысяч человек (а по неофициальным данным приближалось к 200 тысячам), что составляло приблизительно 20% от числа трудоспособного населения республики (по неофициальным данным — около 30%). Колоссальная безработица привела к появлению летом 1991 года больших масс людей, практически лишенных средств для существования. Пауперы стали социальной базой национального радикализма.

Социальная напряженность в обществе приближалась к критической черте, когда на политическую арену вышли национал-радикалы. 23-25 ноября 1990 года в Грозном состоялся первый Чеченский национальный съезд, декларировавший суверенитет Чеченской республики Нохчи-чо. Для реализации решений съезда был избран исполнительный комитет, в который вошли представители либерального и радикального течений национального движения Чечни. Главой исполкома ЧНС стал генерал-майор авиации Джохар Дудаев, а его первым заместителем (и фактическим руководителем исполкома) — глава Оргкомитета съезда Лечи Умхаев. По замыслу организаторов форума, Дудаеву отводилась роль «свадебного генерала», однако весной 1991 года он принял решение лично возглавить работу исполкома ЧНС и отстранил либералов во главе с Умхаевым.

25 мая 1991 года Дудаев как председатель исполкома ЧНС объявил, что в связи с принятием Декларации о суверенитете Чечено-Ингушской Республики прежний Верховный Совет утратил легитимность и что единственным законным органом, уполномоченным чеченским народом, является исполком съезда, готовый взять на себя функции исполнительной власти. Хотя национал-радикалы открыто заявили о своей цели — свержение Верховного Совета ЧИР и захват власти, однако руководство Чечено-Ингушетии никак не отреагировало на этот демарш. Национал-радикалы располагали в то время столь незначительными силами, что власти посчитали достаточным просто блокировать информацию о них.

Информационной блокадой была окружена вторая сессия Чеченского национального съезда 8-9 июня 1991 года, принявшая решение о низложении Верховного Совета ЧИР и о провозглашении Чеченской республики Нохчи-чо. Временным органом власти на территории Нохчи-чо объявлялся исполком съезда, переименованный в исполком Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН). В знак протеста против планов захвата власти группа национал-либералов во главе с Лечи Умхаевым заявила о выходе из исполкома. В состав исполкома были включены активисты Вайнахской демократической партии (ВДП) и других групп национал-радикального толка («Исламский путь», Зеленое движение, общество «Кавказ» и др.). Первым заместителем председателя стал член Совета ВДП Юсуп Сослаббеков, заместителями были избраны председатель ВДП Зелымхан Яндарбиев и народный депутат ЧИР Хусейн Ахмадов.

Располагая сравнительно незначительными силами, сторонники национал-

радикалов летом 1991 года развернули активную работу по созданию во всех районах Чечни филиалов исполкома ОКЧН и «джаматов» (отделений) ВДП. Так создавались организационные структуры «чеченской революции».

Попытка государственного переворота в СССР 19-21 августа 1991 года стала катализатором внезапного социального взрыва в Чечено-Ингушетии.

В то время как официальные власти Чечено-Ингушетии колебались и взвешивали все «за» и «против», активисты оппозиции выступили с призывом к неповиновению заговорщикам. К середине дня 19 августа в Грозном возле здания Совета министров собрался митинг, в котором приняли участие представители исполкома ОКЧН, ВДП, Зеленого движения и других оппозиционных групп. 22 августа руководство исполкома ОКЧН и лидеры митинга потребовали отставки Верховного Совета ЧИР, не сумевшего в дни кризиса занять принципиальную позицию. Вечером того же дня демонстранты окружили здание республиканского ТВ и, после небольшой стычки с милицией, захватили телесцен-тер. По телевидению выступил генерал Дудаев, объяснивший требования оппозиции.

В течении следующей недели митинг национал-радикалов становился все более многолюдным. Из всех районов республики в Грозный стекались массы обездоленных людей, надеявшихся найти выход в свержении номенклатурного правительства и установлении «власти народа». Тысячи пауперов стали основной силой движения ОКЧН. Они внесли в «чеченскую революцию» сильную струю социального радикализма: лозунги национального освобождения и суверенитета дополнились призывами типа «грабь награбленное» и «мир — хижинам, война — дворцам».

Другой влиятельной силой, поддержавшей выступление национал-радикалов, являлись крупные представители «теневого экономики», надеявшиеся с помощью группы Дудаева оттеснить клан председателя Верховного Совета Доку Завгаева от основных источников доходов и взять эти доходы в свои руки. Особенно привлекали перспективы извлечения прибыли от торговли нефтью и нефтепродуктами, способной приносить миллионы долларов. Именно из доходов «теневого экономики» была вооружена Национальная гвардия Дудаева.

Наконец, выступления против Верховного Совета поддержала часть фундаменталистски настроенного мусульманского духовенства Чечни, считавшая, что «Дудаев будет первой ступенькой на пути к созданию исламской республики». Религиозные деятели и тейповые (клановые) старейшины помогли склонить симпатии сельского населения Чечни на сторону ОКЧН.

25 августа в Грозном открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета ЧИР. Депутаты отвергли требования исполкома ОКЧН и выразили доверие председателю ВС Завгаеву; часть руководителей республики потребовала пресечения «беспорядков» в столице. На следующий день в Грозный прибыли член президиума ВС РСФСР генерал Асланбек Аслаханов и заместитель председателя Совмина РСФСР Инга Гребешева, которые на экстренном заседании Президиума ВС ЧИР предупредили Завгаева о недопустимости применения силы для решения политического кризиса в Чечено-Ингушетии. Позиция

представителей Москвы, практически открыто поддержавших оппозицию, окончательно деморализовала сторонников председателя ВС ЧИР.

Московские стратеги полагали, что свержение «неудобного» Завгаева, выступавшего под лозунгом суверенитета Чечено-Ингушетии в составе СССР и ловко маневрировавшего между союзным и российским руководством, закончится установлением в Грозном пророссийского правительства во главе с «популярным» Дудаевым, который в те дни публично заявлял о том, что на территории Чеченской республики Нохчи-чо действительны только законы Российской Федерации.

29-30 августа продолжила работу сессия ВС ЧИР. В первый же день сессии президиум ВС подал в отставку, но Завгаев и его заместители продолжали оставаться на своих постах. После провала переговоров депутатской делегации с лидерами оппозиции, Верховный Совет в очередной раз отверг ультимативные требования исполкома ОКЧН и объявил действия национал-радикалов антиконституционными.

Тем временем, исполком ОКЧН все больше контролировал ситуацию в Грозном. Формирующаяся Национальная гвардия, вооруженная автоматами и пистолетами, к концу августа захватила телевидение и радио, здание Совета министров ЧИР, другие административные помещения. В ночь с 29 на 30 августа гвардейцы возвели баррикады в центре города.

1-2 сентября третья сессия Общенационального конгресса чеченского народа (бывшего Чеченского национального съезда) объявила Верховный Совет ЧИР низложенным и передала власть на территории Чечни исполкому ОКЧН.

3 сентября президиум ВС ЧИР объявил о введении чрезвычайного положения в Грозном, но это постановление было уже невыполнимым, ибо Грозный и большинство районов ЧИР контролировались исполкомом ОКЧН. Решение о введении ЧП подтолкнуло лидеров национал-радикалов к более решительному захвату власти. Вечером 6 сентября, во время собрания депутатов ЧИР всех уровней под председательством Доку Завгаева, на Дом политического просвещения, где проходило заседание, было совершено нападение бойцов Национальной гвардии и активистов митинга оппозиции. Во время штурма несколько депутатов было ранено, а первый секретарь Грозненского горкома КПСС Виктор Куценко погиб, выбросившись из окна третьего этажа. Гвардейцы захватили Завгаева и вынудили его подписать «акт об отречении». Затем лидеры ОКЧН объявили о переходе к ним всей власти и учредили Временный комитет по контролю за работой народнохозяйственного комплекса во главе с Яраги Мамодаевым.

После штурма 6 сентября часть общественно-политических организаций, прежде поддержавших требования исполкома ОКЧН об отставке республиканского руководства и проведении новых выборов, выступила против попыток группы генерала Дудаева узурпировать власть. Свои несогласие с насильственным разгоном Верховного Совета высказали Движение демократических реформ ЧИР, Ассоциация интеллигенции, Зеленое движение и некоторые другие группы.

В это время новые власти Чечни во главе с Джохаром Дудаевым старались добиться официального самороспуска Верховного Совета и назначения выборов. С

той же целью в Грозный 11 сентября направилась делегация российского правительства во главе с госсекретарем Геннадием Бурбулисом и министром информации и печати Михаилом Полтораниным. 14 сентября в республику прибыл и.о.председателя Верховного Совета РСФСР Руслан Хасбулатов, также потребовавший отставки депутатского корпуса ЧИР. 15 сентября состоялась последняя сессия ВС Чечено-Ингушетии, которой фактически руководил Хасбулатов. Здание ДК имени Ленина, где проходило заседание, было окружено дудаевскими гвардейцами. Под давлением Хасбулатова и лидеров ОКЧН депутаты приняли решение об отставке председателя ВС Доку Завгаева и о самороспуске. Новые парламентские выборы были назначены на 17 ноября; на переходный период власть передавалась Временному Высшему Совету ЧИР (ВВС ЧИР) из 32 депутатов, в основном представляющих фракции оппозиции. Добившись самороспуска ВС, Руслан Хасбулатов в тот же день вылетел в Москву.

Однако решение о передаче власти Временному Высшему Совету не могло удовлетворить исполкома ОКЧН, который требовал полномочий только для себя. Митинг национал-радикалов перед зданием Совмина продолжался, блокируя деятельность всех органов власти. Через несколько дней был достигнут компромисс: состав ВВС сокращался до 13 человек, а его председателем был назначен заместитель главы исполкома ОКЧН Хусейн Ахмадов. Подготовка к выборам нового парламента проходила под полным контролем сторонников Дудаева.

В конце сентября началось формирование первой оппозиции власти национал-радикалов. 25 сентября десять общественно-политических организаций демократического и национал-либерального толка объединились в рамках «Круглого стола» и потребовали от исполкома ОКЧН отказаться от присвоенных властных функций, разблокировать телевидение и радио, распустить незаконные вооруженные формирования и т.д. В тот же день пять членов ВВС во главе с заместителем председателя Совета Юрием Черным (доверенное лицо Руслана Хасбулатова) выступили с открытым обращением к гражданам республики, в котором осудили попытки исполкома ОКЧН присвоить функции высшего властного органа. Начали осознавать свой просчет и московские руководители. 26 сентября Хасбулатов направил телеграмму ВВС, Совету министров ЧИР и исполкому ОКЧН, в которой предупредил, что в случае узурпации власти «неформальными организациями» результаты выборов не будут считаться законными.

Тем временем четверо членов ВВС во главе с Хусейном Ахмадовым, являвшихся сторонниками Дудаева, от имени всего Совета издали ряд законов и постановлений, создавая правовую базу для деятельности исполкома ОКЧН в качестве верховного органа. 1 октября «четверка» Ахмадова, сославшись на решение съезда депутатов Ингушетии всех уровней 15 сентября 1991 года о создании «Ингушской автономной республики в составе РСФСР», объявила о разделении Чечено-Ингушетии на суверенную Чеченскую республику Нохчи-чо и Ингушскую автономную республику в составе РСФСР.

Раскол Чечено-Ингушетии вызвал резкие протесты со стороны большинства общественно-политических организаций республики. Утром 5 октября семеро из девяти членов ВВС (ВСЧР) собрались в здании Дома профсоюзов и

большинством голосов приняли решение об отмене незаконных актов и о смещении председателя Совета. В ответ исполком ОКЧН послал на штурм Дома профсоюзов отряд гвардейцев, однако к тому времени членам Совета удалось скрыться; другой отряд Национальной гвардии захватил здание республиканского КГБ. На следующий день исполком ОКЧН распустил ВВС «за подрывную и провокационную деятельность» и принял на себя функции «революционного комитета на переходный период со всей полнотой власти».

Открытый захват власти исполкомом ОКЧН еще более усилил политическую напряженность в Грозном. 7 октября члены ВВС приняли решение о возобновлении деятельности Совета в составе 32 человек, избранных на последней сессии ВС ЧИР; председателем Совета стал юрист Бадрудин Бахмадов. ВВС призвал граждан ЧИР поддержать законный орган власти и бойкотировать президентские выборы, объявленные исполкомом ОКЧН, а также обратиться к ВС РСФСР с просьбой признать юридический статус Совета.

В это время события в Чечне все больше стали беспокоить российские власти. 6 октября в Грозный прибыла очередная делегация из Москвы, которую на этот раз возглавлял вице-президент РСФСР Александр Руцкой. Он встретился с лидерами ОКЧН и с членами ВВС, однако ничего конкретного этот визит не принес. В ночь с 7 на 8 октября Национальная гвардия Дудаева захватила резиденцию ВВС, после чего члены Совета фактически перешли на нелегальное положение.

9 октября появилось постановление президиума ВС РСФСР «О политической ситуации в ЧИР», в котором российское руководство потребовало разоружения незаконных формирований и признало единственным законным органом власти на территории Чечено-Ингушетии Временный Высший Совет. Вечером того же дня Президиум исполкома ОКЧН решил «грубое, провокационное вмешательство во внутренние дела Чеченской республики считать объявлением вооруженного противостояния». Новые власти объявили мобилизацию всех мужчин от 15 до 55 лет, привели Национальную гвардию в боевую готовность, предписали всем предприятиям и учреждениям беспрекословно подчиняться комиссарам исполкома ОКЧН. Председатель ВДП Зелимхан Яндарбиев призвал своих сторонников вооружиться и объявить «газават» (священную войну). Люмпенизированная часть населения вновь активно поддержала Дудаева и его группу.

10 октября политическое противостояние в Грозном вылилось в два митинга. Сторонники исполкома ОКЧН, собравшиеся на площади Свободы, осуждали постановление ПВС РСФСР, призывали к вооруженному противостоянию с Россией и к разгрому внутренней оппозиции Дудаеву. На площади Шейха Мансура (бывшая площадь Ленина) митинг демократических сил, организованный Ассоциацией интеллигенции ЧИР, потребовал роспуска Национальной гвардии, возвращения власти ВВС и проведения свободных выборов. Вскоре выступления сторонников и противников исполкома ОКЧН начались в районах республики.

В середине октября сформировалась новая антидудаевская оппозиция, объединившая активистов демократических движений, лидеров интеллигенции, представителей либерального крыла номенклатуры, часть бизнесменов и

руководителей крупных предприятий. После того, как президент России Борис Ельцин назначил своим представителем в ЧИР Ахмеда Арсанова, оппозицию активно поддержали последователи крупной религиозной общины Дени Арсанова. В ходе оппозиционного митинга было создано коалиционное «Движение за сохранение Чечено-Ингушетии», в которое вошли члены ВВС, лидеры Ассоциации интеллигенции и старейшины общины Арсанова.

В это время исполком ОКЧН продолжал подготовку выборов президента и парламента Чеченской республики. Избирательная кампания проходила в условиях давления новых властей на средства массовой информации и оппозицию. Телевидение и радио были блокированы гвардейцами генерала Дудаева. Учитывая явно несправедливые условия выборов, семь претендентов на пост президента ЧР сняли свои кандидатуры.

27 октября состоялись выборы президента и парламента Чеченской республики. Центральная избирательная комиссия, назначенная исполкомом ОКЧН, объявила, что выборы прошли успешно и что президентом ЧР избран председатель исполкома ОКЧН Джохар Дудаев. Позже был объявлен состав парламента ЧР.

Временный Высший Совет ЧИР объявил выборы сфабрикованными и антиконституционными и предупредил, что «ни один указ т.п. президента Д. Дудаева, ни одно постановление парламента т.п. Чеченской республики не имеют юридической силы и не подлежат исполнению». Совмин ЧИР, руководители ряда ведомств и предприятий не признали результаты выборов. По инициативе митинга оппозиции ВВС и «Движение за сохранение Чечено-Ингушетии» начали формировать «народное ополчение» в противовес Национальной гвардии Дудаева. ВВС создал Центральную избирательную комиссию и начал подготовку к выборам в Верховный Совет ЧИР 17 ноября. По мере развития событий ситуация в республике все более обострялась; гражданское противостояние усиливалось противостоянием военизированных формирований, реальной становилась перспектива создания двух параллельных парламентов и двух центров власти.

Коренным образом расстановку политических сил в Чечне изменил указ президента РСФСР о введении чрезвычайного положения на территории Чечено-Ингушетии. Вечером 8 ноября, когда российское ТВ сообщило об указе Бориса Ельцина, парламент ЧР собрался на экстренное заседание и передал Джохару Дудаеву чрезвычайные полномочия для защиты суверенитета Чечни. В тот же день Дудаев ввел в республике военное положение, возобновил запись добровольцев в Национальную гвардию, предложил представителю президента РСФСР в ЧИР и его заместителям сложить свои полномочия. Военным министром Чечни был назначен первый заместитель председателя исполкома ОКЧН Юсуп Сосламбеков.

По призыву исполкома ОКЧН на площади Свободы стали собираться тысячи людей. Военное министерство вооружало отряды самообороны.

Ночью на военном аэродроме Ханкала близ Грозного приземлились самолеты российских ВВС с солдатами. К утру 9 ноября гвардейцы блокировали аэродром, а также взяли под охрану железнодорожную станцию.

9 ноября митинг на площади Свободы собрал десятки тысяч людей, высту-

шедших в защиту суверенитета и нового правительства. В середине дня парламент ЧР привел к присяге президента Дудаева. К вечеру стало известно, что в результате переговоров с прибывшим в Чечню заместителем министра внутренних дел РСФСР генералом Комиссаровым заключено соглашение о выводе блокированных в аэропорту Ханкала российских частей на автобусах.

Указ президента России от 8 ноября привел лишь к укреплению режима генерала Дудаева и деморализации оппозиции. В условиях внешней угрозы выступления против президента Дудаева были бы расценены как «предательство национальных интересов». Лидеры общественно-политических организаций, ранее критиковавшие власть исполкома ОКЧН, теперь были вынуждены заявить о поддержке нового руководства. Высший Временный Совет ЧИР и его ополчение незаметно распались в первый же день кризиса.

Одержав победу, Дудаев и его сторонники приступили к формированию новых органов власти. В процессе создания этих органов выявились первые противоречия в лагере победителей. С одной стороны, президент Джохар Дудаев и глава временного правительства Яраги Мамодаев (с мая 1992 года — первый вице-премьер ЧР) выступали за усиление исполнительной власти и фактически отвергали право парламента на контроль за деятельностью правительства. С другой стороны, парламентское большинство во главе с председателем парламента Хусейном Ахмадовым требовало формирования правительства по согласованию с парламентом и отчетности исполнительной власти перед законодательной. Летом 1992 года противоречия возникли и в лагере правительства — между группой первого вице-преьера Яраги Мамодаева и председателя Грозненского городского собрания Беслана Гантамирова, с одной стороны, и группой главного советника президента по внешнеэкономическим связям Руслана Уцисва и министра внутренних дел ЧР Султана Албакова, с другой. Как полагают местные наблюдатели, конфликт разгорелся из-за распределения доходов от продажи нефтепродуктов из Чечни. «Новая нефтяная мафия» во главе с главным советником президента при поддержке самого Дудаева оттеснила группу первого вице-преьера от источника самых крупных доходов в республике. Наконец, демократическая оппозиция, оправившись от ноябрьского поражения, организовала движения «Даймохк» («Отечество»), «Маршо» («Свобода»), «Гражданское согласие» и др. и вновь выступила с требованием реформирования органов власти и проведения свободных выборов.

Серьезный конфликт в правительстве между окружением президента и группой первого вице-преьера, с одной стороны, противоречия между президентом и парламентом, с другой, рост оппозиционных настроений в обществе, с третьей, привели к острому политическому кризису, кульминацией которого стали выступления радикальной оппозиции в Грозном, начавшиеся 15 апреля 1993 года. В той или иной форме требования оппозиции поддерживали парламент, Конституционный суд, Грозненское городское собрание и группировка первого вице-преьера.

Кризис власти привел к фактическому установлению диктатуры. В течение апреля 1993 года генерал Дудаев объявил о распуске парламента, Конституционного суда, Грозненского городского собрания, ввел в республике президентское правление и комендантский час, расформировал МВД и т.п.

Сформированное в мае-июне новое правительство Чечни, как и два предыдущих, возглавил сам Джохар Дудаев в качестве премьер-министра. Яраги Мамодаев и его сторонники были исключены из кабинета, а место «человека номер два» перешло к бывшему председателю Вайнахской демократической партии Зелимхану Яндарбиеву, который указом президента от 17 апреля 1993 года назначен «и.о. вице-президента Чеченской республики».

Нынешнее окружение Джохара Дудаева состоит преимущественно из сторонников «жесткого курса» (вице-президент Зелимхан Яндарбиев, начальник Департамента безопасности Султан Гелисханов, начальник Департамента информации и печати Мовлади Удугов, руководители Национальной гвардии братья Арсанукаевы и пр.), выступающих за укрепление власти президента во внутренней политике и за продолжение антироссийского курса во внешней. Роль главного идеолога играет вице-президент. Еще со времен ВДП главным коньком Яндарбиева были выступления против «имперских сил России» и лозунг объединения всех северокавказских народов для борьбы против «российского колониализма». Другим претендентом на роль главного идеолога является шеф Департамента информации и печати Мовлади Удугов, который сделал ставку на «исламский фундаментализм» в качестве государственной идеологии. Его позиция пользуется поддержкой со стороны влиятельных старейшин и у руководства Национальной гвардии (последнее еще 28 апреля 1993 года предложило президенту объявить Чечню исламской республикой и заменить Конституцию на Коран и законы шариата).

Сторонники генерала Дудаева летом 1993 года попытались реанимировать деятельность парламента ЧР, исключив предварительно всех оппозиционно настроенных депутатов (в том числе председателя парламента Хуссейна Ахмадова, временно исполняющего обязанности председателя Юсуфа Сосламбекова, председателей комиссий и др.). Главой «сокращенного» парламента был избран родственник президента Иса (Ахъяд) Идигов, однако ему не удалось восстановить работу законодательного органа. Ликвидация парламента в Чечне закончилась заявлением республиканской прокуратуры о возбуждении уголовного дела против парламента в целом и против отдельных его депутатов. «Деятельность парламента, — сказано в официальном сообщении прокуратуры ЧР от 11 января 1994 года, — была направлена на подрыв суверенитета Чеченской республики. Многие из принятых парламентом законов способствовали развалу экономики, разрушали правоохранительные органы, что, как следствие, привело к увеличению тяжких преступлений». Вместо разогнанного в мае-июне 1993 года Конституционного суда президент Дудаев учредил 26 января 1994 года «Конституционную коллегия» Верховного суда ЧР из 7 судей, которые должны назначаться самим президентом.

Таким образом, режим Джохара Дудаева окончательно трансформировался в диктатуру. Слабую парламентскую демократию сменил режим личной власти, оказавшийся, впрочем, столь же слабым в деле наведения порядка в республике.

После 4 июня 1993 года центр оппозиционного движения передислоцировался из Грозного в районы республики, где лидеры оппозиции имеют сильную поддержку своих кланов (тейпов). Надтеречной район полностью контролируется

движением «Маршо» («Свобода»), один из лидеров которого Умар Автурханов является мэром (главой) района. На Урус-Мартан влияет «чанхойская группировка» (тейп Чанхой) Яраги Мамодаева и Бислана Гантамирова. В Веденском районе находится база Комитета национального спасения генерала Ибрагима Сулейменова (один из организаторов Национальной гвардии осенью 1991 года, бывший председатель парламентского комитета по обороне и безопасности).

Эффективность действий противников режима серьезно снижается их разобщенностью и существующими между ними противоречиями. Радикальная оппозиция отмежевывается от Мамодаева и Сосламбекова как от бывших соратников Дудаева и подчеркивает свою непричастность к установлению нынешнего режима. В свою очередь, Сосламбеков называет лидеров блока «Круглый стол» «партократами-реваншистами»; не доверяет он и бывшему вице-премьеру. Неприязнь разделяет лидеров «Маршо» и Комитета национального спасения.

Захват генерала Сулейменова 9 февраля 1994 года сотрудниками Департамента национальной безопасности ЧР побудил группы чеченской оппозиции начать переговоры об объединении. В конце февраля 1994 года вновь активизировалась деятельность оппозиции в Надтеречном районе, лидеры которой вновь выступили с требованием отставки генерала Дудаева и проведения свободных выборов в Чечне.

Нынешняя политическая ситуация в Чечне характеризуется нестабильностью и неопределенностью. С одной стороны, достаточно ясно прослеживается неуклонное сужение социально-политической базы режима генерала Дудаева: после ухода в оппозицию его первого помощника Юсупа Сосламбекова, вице-преьера Яраги Мамодаева, бывшего председателя парламента Хусейна Ахмадова и других лидеров «чеченской революции» 1991 года против президента выступили Партия национальной независимости Чечни и «полские командиры» чеченских «абхазцев», которые составляли основную силу сторонников Дудаева во время штурма Грозненского городского собрания и разгона митинга оппозиции в июне 1993 года. Однако, с другой стороны, разобщенность и нерешительность оппозиционных групп позволяют президенту Чечни удерживать в своих руках контроль (или хотя бы его видимость) над основной территорией республики.

СОДЕРЖАНИЕ

Центры влияния	3
Национализм и сепаратизм на Северном Кавказе	7
Интегризм на Северном Кавказе	11
Исламский фактор на Кавказе	25
Основные конфликты	28
Российская политика на Северном Кавказе	42
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.	
Меры по стабилизации ситуации на Северном Кавказе	49
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.	
Северокавказский интегризм в начале XX века	54
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.	
«Чеченская революция»: истоки, характер, результаты	58

АННОТАЦИЯ

Авторами книги «Северный Кавказ в поисках региональной идеологии» являются молодые ученые: заведующий отделом современной истории Чечено-Ингушетии НИИ гуманитарных наук Чеченской Республики Тимур Музаев, работы которого неоднократно публиковались в «Экспресс-хронике» и «Независимой газете», и руководитель центра «Север-Юг» Ольга Васильева — автор аналитических работ «Грузия как модель посткоммунистической трансформации» (о политической ситуации в Грузии после Гамсахурдиа) и «Средняя Азия: год после путча» (об идеологии развития среднеазиатских государств), опубликованных в 1993 г. в Москве Горбачев-Фондом совместно с центром «Север-Юг».

Цель книги «Северный Кавказ в поисках региональной идеологии» — дать представление о сложных и противоречивых процессах, определяющих этнополитическую ситуацию в одном из самых взрывоопасных регионов экс-СССР — Северном Кавказе. Основное внимание авторы уделяют анализу формирования национализмов различных этнических групп, их взаимовлиянию; рассмотрению различных уровней интеграционных процессов на Кавказе и перспектив региональных движений; анализу основных факторов конфликтности в регионе, описанию конфликтов 1989 — 1993 гг., etc. Один из основных вопросов представленной работы — анализ основных этапов и подходов российской политики на Северном Кавказе, ее результатов как для стабилизации ситуации на Кавказе, так и для развития интеграционных и дезинтеграционных процессов внутри Российской Федерации.

Книга написана в сжатой манере информационно-аналитического документа и является результатом обобщения материалов российской и местной прессы, документов различных партий и организаций, полевых исследований авторов.

Книга рассчитана на специалистов, занимающихся проблемами Кавказа, регионального развития и безопасности, и адресована всем интересующимся процессами, происходящими в постсоветском пространстве.

Авторы выражают благодарность Фонду «Культурная инициатива» за оказанную техническую помощь при подготовке рукописи к печати.

Отпечатано в типографии АО "ИННОМАРКЕТ".
Принято в печать 15.04.94. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 1500. Заказ № 56.
Почтовый адрес: 113105, Москва а/я 177.
Факс: (095) 292-65-11 (бокс 17458)
Телефон: (095) 315-94-65

